

Николай Семенович Лесков

**С людьми древнего
благочестия**

Содержание

(Первое письмо к редактору «Б<ибблиотеки> для ч<тения>»)	0004
#1	0004
ПЕТЕРБУРГ И ПЕРВЫЕ НЕДОРАЗУМЕНИЯ ПРИ СТОЛКНОВЕНИИ ВЫУЧЕННОГО С ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬЮ	0028
ПСКОВ	0038
РЕДКИЕ КНИГИ ПОТАЕННОЙ СТАРОВЕРЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ПСКОВЕ	0066
ВЫПИСКА ИЗ КНИГИ «СТРАСТИ ХРИСТОВЫ», НАПЕЧАТАННОЙ ВО ЛЬВОВЕ В 1793 ГОДУ	0070
ГЛАВА XXX «О ПОСЛАНИИ ПОНТИЙСКОГО ПИЛАТА К ТИВЕРИЮ КЕСАРЮ ИЗ ИЕРУСАЛИМА ЕПИСТОЛИИ В РИМ О РАСПЯТИИ ГОСПОДНИ»	0120
(Второе письмо к редак<тору> «Б<ибблиотеки> д<ля> ч<тения>»)	0131
ИНОК ПАВЕЛ И ЕГО КНИГИ	0131
КНИГА «ЦАРСКИЙ ПУТЬ»	0146
РУКОПИСНЫЕ СОЧИНЕНИЯ ПОСЛЕДНЕГО ВРЕМЕНИ В ПСКОВЕ И ПЕТЕРБУРГЕ	0216

Николай Семенович Лесков
С ЛЮДЬМИ ДРЕВЛЕГО
БЛАГОЧЕСТИЯ

(Первое письмо к редактору «Библиотеки» для Чтения»)

Много лет кряду все русские писатели, занимавшиеся историею раскола и сочинениями по части его обличения, были согласны между собою в том, что раскол есть религиозное заблуждение, и ничего более. Только очень немногие из них видели в расколе, кроме оппозиции никоновским церковным нововведениям, оппозицию и административным реформам, начавшимся в России со времени первого императора. Писателей, рассматривавших раскол таким образом, нельзя упрекнуть в особенной снисходительности к заблуждениям, которые они обличали. Все они относились к расколу более или менее сурово и поддерживали довольно всеобщее у нас убеждение о необходимости искоренения раскола, как в интересах господствующей церкви, так даже и в интересах государства. Но последнее положение в печати обыкновенно доказывалось гораздо небрежнее и сла-

бее, чем первое. Зато оно прилежно доказывалось и подкреплялось разными доводами у авторов, сочинения которых по этой части мирно покоятся в рукописях на полках многочисленных русских архивов. Это и совершенно понятно, если припомним себе, кто были авторы тех и других сочинений и какие интересы они преследовали, преследуя «двухвековое озлобление части народа против духовенства и административных реформ». У каждого барона была своя фантазия.

С относительным облегчением условий русской прессы, в русской литературе стали проводиться совершенно иные воззрения на причины появления раскола и на его современное значение. Эта перемена в воззрениях происходила одновременно с неудержимым величанием русской народности, сохраненной только в среде сельского населения, не зараженного тлетворным дыханием западной цивилизации. В это же время некоторые писатели, не подчиненные внутренним цензурным условиям, старались возвести раскол на степень политической партии, готовой поставить твердую оппозицию самодержавно-

му правительству в России. Старые авторы сочинений, напечатанных о расколе до этого поворота, приумолкли и или вовсе не печатали сочинений в прежнем духе, или только изредка откликались мелкими заметками в том или другом духовном периодическом издании. Труды авторов, сочинения которых до сих пор не выходят никуда за двери архивов во все продолжение этого времени, нам очень мало известны; но в тех из них, о которых мы что-нибудь знаем, стал тоже замечаться некоторый поворот к «современному штылю», как выражается один ученый член российской ученой академии. Новые же писатели, мнения которых были доступны всем потребителям русской периодической прессы, стали толковать раскол по-иному. Они не только смеялись над узостью горизонта людей, изъяснявших раскол одним религиозным упрямством, но выясняли в расколе весьма сильные политические тенденции и, насколько им позволяли обстоятельства, убеждали общество искать у раскола доверия и дорожить им, как бесценным оружием, выкованным с такою крепостью, что ему ничто противосто-

ять не может. Из старых писателей о расколе последнему мнению стал противоречить П. И. Мельников в своих «Письмах о расколе». Мнения г. Мельникова некоторыми органами русской журналистики были названы отста-
лыми, пристрастными и даже еще хуже. Доказывалось, что г. Мельников вовсе не знаток раскола, что все его знание держится на какой-нибудь «Пращице» и чиновничьих на-
блюдениях. Обруганным мнениям г. Мельникова противопоставлялись мнения г. Щапова, видевшего в расколе совсем не то, что видел г. Мельников. Полемика, возникшая по этому поводу, выдвинула на позорище несколько странных и не совсем понятных намеков, которые были направлены более против личности автора «Писем о расколе», чем против достоверности его выводов. Между тем как русские сатирики и публицисты трудились над этим делом, в решение спора о политическом значении раскола вмешалась Литва и Польша. В ряду многих вопросов, вовсе невзначай решенных польским вопросом, вопрос о политическом характере раскола решен едва ли не самым положительным и безапелляцион-

ным образом.

Во всем, что я буду писать далее, нет никакого основания видеть во мне исключительного сторонника того или другого из двух последних воззрений на раскол, решенных для нас польским восстанием. Такое положение совершенно противно моей натуре, не отвечает современным обстоятельствам и вообще неудобно для моей цели.

Я полагаю, я даже уверен, что придет, и скоро придет время, когда можно будет доказать и г. Мельникову, и г. Щапову, что каждый из них частью прав, но что ни тот, ни другой из них не сказал абсолютной истины, и что между двумя их крайними мнениями есть еще одно среднее, может быть, самое близкое к этой истине. Теперь же пока еще это время не настало, а предупреждать времена иногда значит подставлять им ногу.

Не менее всего в настоящем случае меня освобождает от всяких полемических поползновений самая программа, придерживаясь которой я намерен писать обещанные вам письма о моем житье с людьми древнего благочестия. Вследствие особенно выгодных

условий, в которых я прожил минувшее лето в самой лучшей и самой благоустроенной раскольничьей общине, в Остзейском крае, я имел возможность близко познакомиться с домашнею жизнью раскольников, их общинным управлением, общественным хозяйством и церковным, монастырским уставом. Я буду говорить обо всем этом нисколько не стесняясь, насколько виденное и слышанное мною подходит к соображениям г. Мельникова и его литературных друзей, поддерживавших его в шаловливо-ветреной «Северной пчеле», или к выводам г. Щапова и его литературных друзей, поддерживавших его выводы в серьезно-либеральной газете «Современное слово». Я даже имею в виду совсем не тех читателей, у которых доставало терпения следить за ходом литературного турнира слишком нерешительных мельницистов с слишком решительными щапистами. Очень может статься, что мои читатели будут исключительно из разряда читателей самых нетерпеливых, разряда, приводившего некогда в ярость и отчаяние московский «орган женского ума» своею неисправимою страстью «ко

всему такому легонькому». Но я этим нимало не намерен оскорбляться и вперед утешаю их, что они не услышат от меня никаких темных намеков, мало доступных людям, не посвященным в так называемые направления наших литературных кружков. Я полагаю, что мне только придется, может быть, перемолвиться несколькими словами с автором «Истории Преображенского кладбища» по поводу его взгляда на раскольничью педагогию да с г. Аристовым насчет некоторых его выводов по предмету устройства раскольничьих общин, о котором он писал в вашем же журнале. И то я вовсе не вижу необходимости спорить ни с тем, ни с другим из этих авторов, а только возьму некоторые из их показаний и, сопоставив их с ныне существующею действительностью, постараюсь показать, что не всегда удобно судить о том, что ныне есть, по тому, чем оно было двести лет назад. Это я считаю себя обязанным сделать не в видах опровержения сказанного автором «Истории Преображенского кладбища» и г. Аристовым, ибо я не сомневаюсь, что они вполне добросовестно обращались с бывшими в их

руках материалами и пришли к своим заключениям путем совершенно логическим, а только для того, чтобы с своей стороны как можно добросовестнее поступить с материалами, находящимися теперь в моих руках. Материалы эти дают мне средства показать публике, что как ни драгоценны выводы писателей, трудившихся над исследованием духа и направления раскола по документам, лежавшим до недавнего времени под густыми слоями архивной пыли, выводов этих часто невозможно прилагать к определению современной жизни раскольничьих общин. Автор «Истории Преображенского кладбища» и г. Аристов, может быть, нимало не погрешают, воскрешая по старым документам жизнь общин, существующих по имени и до днешнего дня; но кто захочет судить по этим описаниям о нынешней жизни раскольничьих общин, тот не может не впасть в великую погрешность. Сведений о жизни раскола, особенно о его современной жизни, у нас так мало, что в этих погрешениях нимало не будут виноваты названные мною авторы, может быть, весьма верно воспроизведшие эпоху,

пережитую расколом, но тем не менее, познав-
комясь с современной жизнью и распорядка-
ми единственной раскольничьей общины,
поистине чудесным образом сохранившей в
известной степени старинную форму общин-
ного устройства, я считаю себя обязанным
рассказать об этих распорядках, нарочно
останавливаясь на том, что в них противоре-
чит выводам г. Аристова и автора «Истории
Преображенского кладбища». Люди, знако-
мые с предметом, может быть, найдут в моих
письмах сведения, хотя мало-мальски способ-
ные указать изменения, происшедшие в нра-
вах и обычаях раскольничьих общин даже
там, где общинность не совсем утратила свое
значение, а только изменила характер. Для
людей, интересующихся этим вопросом, мои
сведения могут быть тем интереснее, что они
собраны в общине самой самостоятельной в
целой империи и притом в общине, о кото-
рой, если не ошибаюсь, до сих пор никто не
писал и в которой, по показанию стариков,
никогда никто из пишущей братии не был.
Увлекаться же какими бы то ни было при-
страстиями, по предубеждению или личным

симпатиям, я вообще мало способен и к тому же, хотя в этой общине действительно не бывал ни один из людей, подвизающихся в нашей литературе, но все-таки у меня есть контролер такой ядовитый, такой шафранно-желчный, что если бы я был пристрастнее самого пристрастного из сотрудников русских сатирических изданий, то и тогда не решился бы покривить моею душою и пером.

Это я говорю, думая в настоящее время о людях, следящих за накоплением материалов о расколе; для прочих же читателей я буду просто вести рассказ о том, как живут люди древнего благочестия.

Имея в виду читателей этого сорта, я прошу у них терпения только на пять минут, нужных для того, чтобы пробежать полсотни строк, которые, по моим соображениям, совершенно необходимо написать прежде начала описания моего сожителства с людьми древнего благочестия.

Понятия публики о расколе гораздо темнее заповедного мачтового леса Пензенской губернии, из которого мой дядя некогда покупал дрова по одному рублю серебром за куби-

ческую сажень. Во время прежнего едино-мыслия о значении и характере раскола просвещенная русская публика считала раскол невежественным заблуждением упрямых фанатиков и ничем более.

В дни споров, происходивших в русской литературе о том, кто вернее понимает раскол: г. Мельников с товарищами или г. Щапов с своими товарищами, часть публики, наиболее скептическая, недоумевала, что бы это за притчи такие ей стали рассказывать, а другая часть, более легковверная и желавшая видеть в раскольничьем фанатизме только ширмы, за которыми сидит скованная могучая идея, ожидающая случая разорвать свои двухвековые цепи, — эта часть публики стала считать раскол силой. После же того, как белокрыницкий раскольничий митрополит Кирилл, а вслед за ним польские косьонеры помогли русским литераторам разрешить долго путавший их вопрос о том, что такое раскол и что сделают в данном положении государства раскольники? — скептики сказали: «Ну вот! все это был вздор, так и должно было ожидать», а легковверные ничего не сказали. Сила

оказалась на стороне силы.

Таково преимущественно мнение публики о значении раскола и его характере. О подразделениях же того, что называется общим именем раскола, несмотря на все до сих пор написанное о расколе, публика, за весьма редким исключением, ничего не знает и долго еще знать не будет, потому что ей заниматься такими вещами скучно, потому что она публика милая, веселая и образованная и хочет читать только известные хорошие книжки или еще охотнее хочет ничего не читать. Некогда ей, занята она по горло словоизвержением и ничегонеделанием.

Если бы в некотором кружке не разнесся неблагоприятный слух, что Д. Е. Кожанчиков, после издания истории греческого восстания, написанной с неотразимой прелестью московским ученым Феоктистовым, не дал торжественного заклęcia не издавать более без разбора исторических сочинений наших историков, то я бы непременно дерзнул написать историю раскола. Но как слух, разнесшийся насчет резкой перемены в нраве г. Кожанчикова после издания вышеупомянутой

исторической монографии, убивает во мне всякую предприимчивость, то я отлагаю мое намерение до тех пор, пока г. Феоктистов нападет на другого издателя, столь же неразборчивого, как г. Кожанчиков, и таким образом покажет новое место, через которое можно валить всякий сор в русскую публику. До этого же блаженного, но весьма сомнительного времени мне предстоит подвиг особенно трудный. Я должен рассказать главнейшие подразделения раскола тем из моих читателей, которые этого не знают, в столь сжатой форме, чтобы не измучить этим читателей, у которых есть готовые понятия при одном слове: поморство, федосеевщина, филипповщина, дьяконовщина, странники, духовные христиане, Аристово согласие, иконоборцы и т. п.

При совершенном непонимании нашим обществом сущности русского религиозного разномыслия, у нас существуют два главные представления о расколе. Для одних все, что при русском происхождении не признает авторитета господствующей церкви, есть раскол, и раскол совершенно однокачественный. Другие же уверены, что видов русского раско-

ла неисчислимое множество, и самые умеренные из людей, держащихся этого мнения, полагают, что раскол имеет по крайней мере до ста одиннадцати сект.

Ближайшее изучение раскола показывает, что оба эти мнения совершенно неосновательны. Кроме того, изучение характера русского религиозного разномыслия показывает также, что люди, держащиеся в отношении раскола двух вышеприведенных мнений, считают в числе раскольников, впавших в разномыслие с господствующей церковью, сектаторов, вовсе не принимающих Никейского символа веры и потому самую церковь называемых не раскольниками, а еретиками.

Раскол велик, и подразделений его действительно не мало. Начало религиозного разномыслия в России восходит до времен великого князя Владимира. Лет через шестнадцать после крещения Руси в Киеве уже была известна секта христовщины (нынче хлысты). В Густынской летописи есть свидетельство, что в 1507 году секта эта распространилась уже по Польше и Силезии. При Иване Ва-

сильевиче III, Дмитриии Донском и царе Алексее Михайловиче уже было известно несколько сект. Церковные реформы Никона и правительственные реформы Петра дали новую пищу религиозным и политическим разномыслиям русского народа, вызвали раскол к твердой оппозиции нововведениям и дали ему средства быстро распространяться, опираясь на консервативные стремления народа. С этих пор начинается борьба правительства и церкви с расколом, и с этих же пор начинается изучение раскола, до такой степени неудачное, что до сих пор мы не имеем верной, полной, но не сочиненной классификации раскола.

До XVIII столетия вовсе не разделяли раскольников на разряды, толки и согласия, и всех русских людей, разномыслящих с господствующей церковью, называли общим именем раскольников. Первое распределение раскольников по сектам появилось в первый раз в «Розыске» св. Димитрия Ростовского. Но видно, что подразделения эти были очень неясны для самого святителя, который, впрочем, писал по сведениям строителя Спасора-

евской пустыни Иоасафа, ярославца Петра Ермилова, старца Борисоглебского монастыря Андроника и Пахомия с Керженца. По двум спискам, составленным с чужих слов, у него значатся: 1) христовщина, 2) иконоборщина, 3) поповщина, 4) беспоповщина, 5) чувственники, 6) кривотолки, 7) ануфриевщина, 8) аввакумовщина, 9) ефросиниевщина, 10) иосифовщина, 11) калиновщина, 12) киприяновщина, 13) илларионовщина, 14) серапионовщина (или морельщики), 15) козьминщина, 16) волосатовщина (или сожигатели), 17) исаковщина, 18) стефановщина, 19) сожигатели, 20) морельщики, 21) федосеевщина, 22) ефремовщина, 23) иаковщина, 24) субботники, 25) подрешетники (или капитоны), 26) андреевщина, 27) рогожники (или рублищники), 28) павлиновщина и 29) андреяновщина.

Димитрий Ростовский, исчислив эти 29 различных согласий раскола, сознавал, что здесь еще не весь раскол. «Дела раскольническая злая яве, творимая в противность церкви святой, якоже о тех доносится нам, суть неисчетна, о них же подробну писати и глаголати невозможно, разве знатнейшия zde

предложим», говорит он в своем знаменитом «Розыске», по поводу которого г. Мельников бросает на деятельность Димитрия совсем не тот свет, в котором эту деятельность представляют некоторые другие писатели. Митрополит же Игнатий просто говорит, что «и на чаша мнози ереси быти и кийжда бяше от них своя нововымышленные ереси начальник».

Но и ростовский митрополит, первый писавший о подразделениях раскола, уже впал в ошибки, считая, например, серапионовщину и волосатовщину особыми сектами от морельщиков и сожигателей, и потом вовсе не дал никаких понятий о духе этих сект. Позже вышли наружу нетовщина, перекрещеванцы, дьяконовщина, никитовщина, капитоновщина, богумилы, титловщина, филипповщина, расстриговщина, самокрещенцы, гробополагатели, кадельники, детоубиватели, самостригальницы, пасховерцы, мессолиане и др. Даже и до сих пор едва ли кто-нибудь имеет право сказать, что ему известны все виды религиозного разномыслия русского народа. Я знаю, что ни г. Мельников, ни г. Аристов или

г. Щапов не берут на себя такой смелости, а довольно недавняя история с сопелковским согласием странников убеждает, что и само правительство, при всей громадности своих средств, очень поздно узнает о появлении новых, самых странных и характерных сект. Еще более в этом легко убедиться «обходя страны», ибо, при скитальчествах, по-между живым расколом случается набредать на явления новые, нигде никем не записанные и несомненно составляющие раскол в самом расколе. Прежние исследователи раскола, зная названия сект, вовсе не знали их духа, путали их и путались в них сами. В девяностых годах XVIII столетия охтенский протоиерей Андрей Иванов Журавлев (бывший раскольник), по желанию кн<язя> Потемкина-Таврического, составил первую, сколько-нибудь толковую классификацию раскола, распределив все известные толки на поповщину и беспоповщину. Потом, держась журавлевского метода, раскол был несколько раз классифицирован и светскими, и духовными властями, и независимыми писателями, но еще в 1862 году П. И. Мельников, обсуждая достоин-

ства сделанных в разное время подразделений раскола, нашел все их весьма неудовлетворительными и ясно указал их недостатки и промахи. Мне кажется, что для людей, не поставляющих себе задачею близкое изучение раскола, для некоторого понятия о нем можно принять мельниковское деление на раскол поповщинский (подцерковники), раскол беспоповщинский и ереси, не имеющие ничего общего с господствующей церковью. Раскол поповщинский и беспоповщинский принимает Никейский символ и признает все семь таинств необходимыми для полной «жизни по вере», но как поповщина тем или другим путем принимает себе тех или других попов и содержит священство, то все семь таинств совершаются только у нее. Это и есть подцерковники, весьма близко подходящие к церкви, и для признания их не расколом нужно только признать их попов попами, а церкви церквами. Беспоповцы (множество подразделений), считая преемственную благодать рукоположения исчезнувшею, и хотя по принципу признают необходимость духовенства и всех семи таинств, но не принимают

священства именно потому, что благодать рукоположения исчезла и нет преемственности; стало быть, негде достать священства, а потому нельзя совершать и таинств; и наконец еретики, не только вовсе не признающие необходимости священства и никаких таинств, но и не исповедующие Никейского символа 325 года. К последнему разряду относятся и древнейшая христовщина, или хлыстовщина, молоканы, или духовные христиане, и духоборцы и многие другие, признаваемые правительством за секты «особенно вредные».

Отношение еретиков и раскольников к православию, по-моему, также весьма правильно очерчено Мельниковым в его пятом письме (стр. 94). Он говорит: «Раскольники смотрят на господствующую церковь с горьким, враждебным чувством, как на изменницу своим древним правилам и уставам, как на разорвавшую свои связи общения. Между тем еретики видят в учении господствующей церкви совершенно чуждое для них учение, столь же чуждое, как католичество или протестантство. Некоторые же из них идут далее

и смотрят на православную церковь совершенно одинаково, как на иудейство, магометанство и идолопоклонничество».

Правительство в своих воззрениях на раскол делит его так же. Я не хочу говорить о прошедшем, хотя бы и очень недавно прошедшем времени, в котором правительство очень ошибалось в своих отношениях к расколу, по степеням его мнимой вредности или безвредности; но в наши дни оно относится к поповцам гораздо снисходительнее, чем к беспоповцам, а к беспоповцам снисходительнее, чем к еретикам, хотя теперь и против последних уже не в ходу прежние суровые меры.

В отношении беспоповцев (людей, которыми я буду исключительно заниматься в моих письмах) наблюдается два подразделения. Большею благосклонностью пользуются беспоповцы, приемлющие браки и молящиеся за власть (поморское согласие), и гораздо меньшею беспоповцы, не приемлющие браков как таинства и «не молящиеся за правительство и государя» (например, вся, чрезвычайно распространенная, секта федосеевщины). Г.

Мельников замечает, что беспоповцы, приемлющие браки, но не молящиеся за власть и молящиеся за власть, но не приемлющие браков, при этом разделении совершенно забыты. Это совершенно справедливо. На эти подразделения не только правительство не обратило никакого внимания, но и многие писатели о расколе их словно не знают, тогда как эти уклонения от принципов двух главных беспоповщинских согласий встречаются довольно нередко.

Говорят, что Н. Я. Аристов трудится над составлением полного, систематического описания русского религиозного разномыслия до мельчайших из известных его подразделений и снабдит свое сочинение наглядною схемою, способною облегчить изучение этой классификации. Если это правда и если у г. Аристова достанет средств совершить задуманный или уже предпринятый им труд, то он сделает огромную заслугу, от которой неизвестно почему-то уклонился г. Мельников. Указав в пятом письме о «расколе» погрешности, вкравшиеся у всех, делавших до сих пор опыты классифицирования раскола, он сказал, что

кроме видов религиозного разномыслия, исчисленных у того-то и у того-то, есть еще такие-то и такие-то, и другие, но сам не написал никакого систематического списка, которого от него многие ожидали, особенно с третьего письма. Почему г. Мельников не поделился с обществом своими сведениями, в которых у него, кажется, нет недостатка, до сих пор не известно, хотя совершенно ясно, что никакие от него не зависящие обстоятельства ему поперек дороги не стояли, а сам он в одном месте своих писем весьма иронически относится к статье закона, где сказано: «и другие вообще последователи сект, признанных особенно вредными». Следовательно, г. Мельников сознавал, что нельзя писать «и другие», что это неудобно, что это сбивает читателя, а сам тоже окончил дело в роде этого. Г. Аристов совершенно кстати и вовремя задумал заняться и систематизированием русского религиозного разномыслия, и вспомогательною схемою. Такой труд решительно необходим в настоящее время, и если Н. Я. Аристов при исполнении его впадет в некоторые небольшие или даже и большие погрешности, то все-та-

ки он даст сильный толчок делу. Соберутся замечания, указания, поправки, и вскоре станет наконец возможным издание полное и дающее ясное понятие о современном подразделении русского религиозного разномыслия по тем сведениям, которые имеет весьма ограниченное число литераторов, занимающихся вопросом о расколе. Хотелось бы видеть этот труд оконченным как можно скорее. Он будет особенно дорог как в интересах науки, так и в интересах правительства, которое несомненно сознает ныне надобность иметь верное понятие о том, что смутно понимается под общим словом «раскол». Без подобного вспомогательного пособия не только чиновники, люди, положительно не имеющие никаких, хотя мало-мальски к чему-нибудь годных познаний о расколе, но и то ограниченное число литераторов, которые кое-чему повыучились, взясь в последнее время с раскольничьей литературой, будут весьма часто находиться в очень затруднительном положении при всякой работе по вопросам, касающимся раскола, особенно при встречах с живым расколом. Я испытал это между про-

чим на себе в последний мой поход к людям древнего благочестия, о котором собственно теперь начинается мой рассказ.

ПЕТЕРБУРГ И ПЕРВЫЕ НЕДОРАЗУМЕНИЯ ПРИ СТОЛКНОВЕНИИ ВЫУЧЕННОГО С ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬЮ

Представлялось нужным определить состояние раскольничьей педагогики в наиболее самостоятельной общине. Лично мне хотелось ближе подойти к современному раскольническому общинно-хозяйственному управлению, о котором толкуется все на основании давно былого, а одна поморская община, получающая новую организацию, спала и видела устроиться так, как живут благоденствующие федосеевцы, издавна поселенные в остзейском крае и преимущественно в городе Риге.

С нынешней весны, то есть со времени, в которое во многих дезорганизованных раскольничьих общинах стали определеннее выражаться стремления к более или менее пра-

вильному устройству, рижская федосеевская община получила новый и огромный интерес для русского раскола.

У русских раскольников, имеющих некоторое понятие о рижской общине беспоповцев, община эта представляется идеалом всестороннего благоустройства и желанной свободой.

Из раскольников ближе всех знакомы с рижскою общиною московские федосеевцы и беспоповцы поморского согласия, рассеянные по северо-западному краю России, Литве и Царству Польскому.

Общее желание раскольников устроиться во всех частях своего общественного быта по рижскому образцу рождает огромный интерес к ближайшему изучению этой общины, возбуждающей всеобщую зависть.

Известно, что начало систематическому воспитанию малолетних раскольников в общественных школах положено московским купцом Ильею Васильевичем Ковылиным в первой четверти текущего столетия. Из «Истории Преображенского кладбища в Москве» мы знаем, что в одном из зданий этого клад-

бища было устроено Ковылиным училище, где мальчики с бойкими способностями обучались чтению и письму церковному под руководством наставника Осипова. Потом очередные наставники толковали им катехизис. Образование заканчивалось изучением главных пунктов отличия федосеевского учения от учения православной церкви.

Для учеников была открыта кладбищенская библиотека, состоявшая из старопечатных книг и раскольничьих сочинений, которою они пользовались под руководством своих учителей.

Люди, имевшие возможность близко ознакомиться с старыми делами Преображенского кладбища, старались доказать, что «все образование кладбищенской школы было направлено к тому, чтобы внушить детям отвращение к церкви и церковникам-никонианам» (из ист<ории> Преобр<аженого> кладбища, л. 44-й).

Принимая во внимание общие тенденции раскола и исключительную политику покойного Ковылина, нет оснований опровергать сделанный вывод о направлении Преобра-

женской кладбищенской школы в самое цветущее время ее существования.

Познания о науках и искусствах, выносимые воспитанниками из этой школы, вообще были до крайности бедны. О науках, способствующих развитию самостоятельного мышления, в ковылинской школе не было и поминна. В ней учили счислению, но и то слегка, настолько, насколько это необходимо по соображению русского лавочника. В искусствах шли тоже очень немного дальше. «Некоторые из членов кладбищенской школы приобретали замечательное искусство писать по-уставному и потом занимались переписываньем богослужебных книг, которые по дорогой цене продавались в конторе кладбища иногородным федосеевским общинам и зажиточным федосеевцам. Другие занимались иконописным искусством и делали копии с древних икон, иногда так удачно, что самые знатоки с трудом могут отличать копию от оригинала. Весьма искусно воспитанники умели подделываться и под древние рукописи, изменяя при том и самый цвет бумаги и соблюдая малейшие остатки древности».

В этом заключалось общественное образование в большой ковылинской школе на Преображенском кладбище, и в этом же оно заключалось во всех общинах федосеевского согласия в губерниях: Ярославской, Тверской, Нижегородской, Рижской, Казанской, Сибирской, на Дону и Кубани. Словом, во всех общинах, находившихся во время Ковылина в зависимости от Преображенского кладбища. Иначе это и не могло быть, потому что все эти общины «получали от кладбища наставников и покупали в его конторе свои книги».

В таком положении раскольничья педагогика дожила до последних дней первой четверти текущего столетия. С этого времени всякое проявление их общности начало преследоваться с строгостью, от которой раскольники отвыкли во времена Екатерины II и Александра I. Энергические меры, принимавшиеся против раскола в царствование Павла Петровича, по кратковременности этого царствования, не ступевали начатков раскольничьего самоустройства в екатерининское время; но после смерти императора

Александра все это пригнулось, спряталось, и к нашим дням не осталось уже ни одной открытой раскольничьей школы. Даже и общинно-хозяйственное самоуправление местами вовсе исчезло, а местами замаскировалось так ловко, что изучение его представляет очень много трудности для каждого человека, имеющего хоть какое-нибудь непосредственное сношение с правительством. Одна рижская община, благодаря своему отдаленному положению в остзейском крае и другим более или менее благоприятным обстоятельствам, сохранила до сих пор свое отдельное хозяйственное самоуправление. Она имеет благолепную каменную молельню, с пятью «духовными отцами», хором обученных крюковому пению певчих, больницу, домом для призрения дряхлых и общественною подгороднею мызою Гризенберг. Но открыто существовавшую до 1829 года школу и рижская община утратила. С этого времени и она обходится только с секретными школками, устроенными в частных домах и существующими под великим страхом и великою данью у местной полиции.

Держась своего предмета, я буду по возможности касаться всех частей устройства рижской общины, но прежде всего я нахожу нужным сказать несколько слов о духе самого раскола в общинах рижской и псковской. Это совершенно идет к моему предмету.

Тем самым, что раскольники Риги и Пскова со времен Екатерины находились в полной моральной зависимости от московского Преображенского кладбища, обыкновенно определяют дух их вероучения. Их до сих пор считают федосеянами или феодосиевцами, то есть последователями дьячка Крестецкого яма Феодосия, отделившегося от поморского согласия. Секта федосеевцев в истории русского раскола важна не менее секты поморской, следующей учению даровитых братьев Денисовых, распространившемся по России из Выгорецкой киновии. Обе эти секты признают благодать преемственного рукоположения исчезнувшей, считают господствующую церковь изменившей своим древним, законным правилам, отвергают духовенство как санкционированное сословие и, следовательно, отвергают возможность са-

мой евхаристии. Разница между поморцами и феодосиянами главным образом заключается в том, что поморцы допускают брак, освящая его благословением родителей и отца духовного, и молятся за царя; а фэдосеевцы не допускают брака и не только не молятся за царя, но и молящихся за него «поморян», в насмешку над их трусостью перед Самариным, называют не «поморянами», а «самарянами», намекая таким образом на начало богомоления за власть в Выгорецкой обители «страха ради Самарина», чиновника, производившего там следствие. Брак у фэдосеевцев отвергается прямо, как последствие отвержения священства; «венчать некому», говорят, «да и время не то: антихрист невидимо царствует, и настали дни, в которые не довлеет ни жениться, ни посягать». А за царя не молятся потому, что «он не благоверный», то есть не старой, не благой веры, «сын ереси», «эллин», и наконец просто так не молятся, потому что не в обычае за него молиться. Это «так» замечается и у чистых верноподданнейших поморцев, которые, например, молятся за царствующего государя, как «за власть предержашую»,

но за умершего молиться не хотят, даже страха ради самаринского. Это одинаково относится ко всем умершим государям: Петру I, Павлу Петровичу, Николаю Павловичу и особенно уважаемым всеми старообрядцами Екатерине II с Александром I, которых хотя они тоже не позволяют себе назвать «благоверными», но всегда признают «благочестивыми».

Судя лишь по одним этим отличиям учения поморского от учения федосеевского, можно до некоторой степени объяснить себе причины прежнего правительственного неблаговоления к федосеевцам. Но оснований и смысла преследования скромнейших и верноподданнейших поморцев, обижаемых властью и осмеиваемых за свое «самарянство» своими же братьями раскольниками других согласий, понять невозможно. Это объясняется только разве огульным взглядом на раскол и его тенденции да отсутствием в администрации людей, знакомых с духом раскола.

Однако обе главные беспоповщинские секты, поморцы и федосеевцы, в течение двух веков подвергались совершенно одинаким пре-

следованиям гражданской и духовной полиции, и даже можно сказать, что наивным петербургским поморцам часто доставалось гораздо больше, чем федосиянам, московские вожаки которых отлично знали топографию домов некоторых влиятельнейших лиц прошедшего времени.

Я упоминаю об этом для того, чтобы заметить несообразность огульного закрытия разом всех первоначальных школ в общинах раскольников разных согласий. Сказав раз, что я не имею оснований опровергать заключений, сделанных о духе преподавания в школе Ковылина, где будто бы двумстам мальчикам внушалось «отвращение к церкви и церковникам-никонианам», я позволю себе, однако, указать на раскольниковую генерацию, народившуюся тогда, когда уже не существовало зловредной ковылинской школы, да не было и вообще никаких раскольниковых школ. Генерация эта выросла в круглом невежестве и воспитала в себе сугубое «отвращение к церкви и церковникам-никонианам». Тут дело совсем не в школе...

Поездке моей в Ригу, как уже сказано,

предшествовало заявленное раскольниками поморского согласия желание усвоить себе порядки рижской общины и завести школы по образцу рижских раскольничьих школ.

Зная из истории раскола нравственную связь рижских раскольников с московским Преображенским кладбищем, я никак не мог понять, как возникло у поморцев сочувствие к общине, приверженной федосеевщине, и, выехав из Петербурга, не поехал прямо в Ригу, а остановился сначала в Пскове.

ПСКОВ

Здесь, благодаря содействию одного старого моего товарища, я сошелся с купцом X., человеком весьма здравомыслящим, очень богатым, большим ревнителем раскола и, кажется, несомненным другом властей, à la Кобылин. Этот Меттерних «древлего благочестия» ни о ком не говорит худо, ни о православном архиерее, ни о властях, ни о «Колоколе» и его редакторе. У него все хорошие люди, и все это выходит так ладно, что, например, и власти, обруганные в «Колоколе», совсем правы, и «Колокол» ни в чем не виноват. Так и до

всего. За то он у всех и в чести, и в милости, и в силе, и даже в славе: у раскольников он столп, за который все стараются держаться и который сами все подпирают. Отец его много пострадал за веру и, спокойно вынося все гонения, удержал своим примером других, изнемогавших под тягостью правительственного преследования. Сын идет дорогою своего отца.

Здесь мне интересно было узнать, какой именно раскол держится в пределах псковских и что за учение у рижан. Я, разумеется, ждал встретить федосеевцев. Но при всех моих столкновениях и новых знакомствах с псковскими раскольниками рабочего класса я не мог добиться: какого они держатся толка? Прямо на этот вопрос ни один из людей, с которыми я познакомился до встречи с Х., не мог дать мне хотя мало-мальски положительного ответа. Сначала я считал это лукавством, но потом убедился, что безграмотные раскольники, которых немало между псковичами, действительно ничего не знают о своем вероучении и ничего не могут сказать кроме того, что они «по древнему благочестию».

Оставленный в одной простой, весьма многочисленной раскольничьей семье с одними женщинами разных возрастов, я из разговоров с ними убедился, что имею дело и не с чистыми поморцами, и не с федосеевцами. Из всего мною слышанного от женщин выходило что-то странное, новое и непонятное, не то федосеевщина, не то поморство. В X. я уже встретил человека, способного и, кажется, желавшего не только отвечать на все вопросы, но даже и спорить, и совещаться. Благодаря ему для меня стали ясны многие, прежде непонятные стороны симпатии поморян учреждениям рижской общины.

Оказалось, что самые псковичи и рижане давно уже капитально разошлись с московскими федосеевцами и значительно сблизились с поморством. Сближение это у псковичей последовало гораздо резче, чем у рижан, хотя и некоторые рижане уже открыто называют себя «православными» или «староверами феодосиевско-поморского согласия». Но в толковании рижан есть еще весьма, впрочем, незначительные остатки феодосиевских воззрений на брак, тогда как у псковичей взгляд

на брак выработался гораздо чище, чем у самих поморцев. Последнее обстоятельство зависело от быстрого распространения здесь учения приходящего сюда из Пруссии инока Павла, против которого в третьем году соби-рался в Москве, в доме купца М., раскольни-чий собор. На этом соборе эмигрант Павел вел жаркие теологические споры с раскольника-ми, принимающими священство, и препирал-ся о браках с федосеевцами. По уверению од-них, он защищался слабо, по словам же дру-гих, блистательно указал чистоту своего уче-ния. Но как бы там ни было, секретный собор, так недавно собиравшийся на Павла, не толь-ко не уронил его значения, но даже содей-ствовал быстрейшему его успеху в общинах многих поморян и федосеевцев. Это и неуди-вительно, ибо новое Павлово учение, с кото-рым я буду иметь случай подробно познако-мить читателей, своею замечательною логич-ностью и чистотою не может быть опроверга-емо софизмами федосеевщины и всегда най-дет у беспоповцев более сочувствия, чем дово-ды поповцев, держащих «попов краденых». Кроме того Павел спорил, обличал и доказы-

вал, а на него орали, неистовствовали, ругались и обрекали клятвам и отлучению от сонма. Люди убеждения остались на стороне Павла, и учение его идет, производя новый и весьма благодетельный раскол в расколе. Феодосеевцы, убеждаясь учением Павла, во многих местах согласились, что человек, открыто живущий с женщиной и заботящийся о семье, недостоин никакого ограничения в своих правах и что, напротив, такое житье естественно и законно. Словом, начали признавать брачную жизнь нравственной и, следовательно, таким образом возвратились в лоно того же чистого поморства, от которого их оторвала распря дьячка Феодосия. Рижане же, до которых не дошло павловское учение, остаются при прежней смешанности феодосеевских и поморских понятий о браке. Они допускают брак «по слабости человеческой», и акт обручения у них совершается в моленной при участии духовного отца, но женатый человек и замужняя женщина со дня своего брака теряют некоторые виды полноправия. Так, они лишаются права молиться со всеми вместе; не могут стоять на клиросе и вообще как

бы пребывают под вечною эпитимиею и нередко под старость заявляют намерение перейти «в девство», то есть муж с женою прекращают всякие супружеские сношения и даже иногда расходятся жить в разные дома. Это единственный остаток в рижанах феодосиевского духа, неразлучным спутником которого идет и своя доля феодосиевского лицемерия. Так, например, девственник избегает собеседования с прежней подругою, но, идя в субботу в баню, заходит к ней «за веником» и остается вдвоем с нею сколько ему угодно, занимаясь чем угодно им обоим. Над этим смеются вообще все поморцы, и особенно поморцы, наученные Павлом, поборником чистейшего, свободного брака и вообще чрезвычайно нравственным проповедником. Никаких следов какого бы то ни было тайного вредного учения я не заметил во Пскове и знал хорошо, какого сорта люди будут моими новыми знакомыми в Риге.

Затем стояло на очереди дело о школах. Нет никакого сомнения, что в Пскове есть секретные школы, но мне их не удалось видеть, по причине неожиданного отъезда Х. в

Петербург. К тому же необходимость расспросов о самом духе псковского и рижского раскола, может быть, несколько вредила мне в мнении самого Х., хотя он, кажется, совершенно мне верил, водил в свою домашнюю моленную, принимал бесцеремонным гостем и подарил два томика сочинений Павла, напечатанных в Пруссии. Эти две книжки были для меня дорогим приобретением, давшим мне возможность близко познакомиться с замечательною личностью Павла и духом его учения.

Открыто существующих школ в Пскове было две: одна, весьма значительная, в доме купца Пыляева, а другая неподалеку от бывшей на берегу реки Псковы моленной, обращенной впоследствии под солдатскую музыкантскую школу, но оба эти училища около 20 лет назад по распоряжению правительства закрыты или, как выражаются псковичи, «разорены властью сильных и безбожных». О преподавании, бывшем в этих школах, прямым путем узнать было ничего невозможно. Одни говорят, что «учили азбучке, цифирю, арифметике, часослову, да петь по цолям (по

солям), да и только». Два-три человека, с которыми я сошелся довольно близко, тоже ничего более подробного мне не сообщили. Осталось одно средство: сходиться с состарившимися учениками уничтоженных правительством школ и сходиться с женщинами «мастерицами», то есть учительницами. В этом мне вполне посчастливилось. Но ни из самого близкого и самого бесцеремонного знакомства с бывшими учениками уничтоженных школ, ни из книг, по которым учились молодые женщины теперешнего поколения, я не видел, чтобы в псковских школах тоже «все образование было направлено к тому, чтобы внушить детям отвращение к церкви и церковникам-никонианам». «Отвращение к церкви и церковникам-никонианам» существует у псковских раскольников в той самой мере, в какой эти чувства питают все беспоповщинские староверы поморского согласия; но это отвращение в молодых сердцах воспитывается вовсе не в школах, а в самой жизни. Несмотря на то что при обучении детей употребляются учебники, не одобренные правительством, в них нет ничего возбужда-

ющего неприязненные чувства к господствующей церкви. Это буквари секретной печати (издаваемые в Польше, Познани и в какой-то казенной или синодской типографии — не то в Москве, не то в Петербурге), старые часословы и старопечатные псалтыри. Где именно печатаются буквари, так называемые «русские правильные», узнать невозможно. В одном месте слышишь, что их «солдатик делает» где-то далеко; в другом, что их печатают в казенной типографии, а в третьем, что это произведения типографии синодальной. Но везде этих «правильных русских» букварей много и продаются они оптом по 8 копеек за штуку, а в отдельной продаже по 15 копеек за экземпляр. Из приобретенных мною трех различных букварей (прусского, польского и русской секретной печати) нельзя не убедиться в девственной невинности этих изданий, преследуемых и отбираемых полицией всякий раз, когда операция эта по местным соображениям не противоречит живым интересам хранителей благочестия и порядка. Буквари секретной печати почти сходны во всем с букварями, издаваемыми по рас-

поражению синода для обучения грамоте детей старообрядцев, приписанных к единоверческим церквам. Даже некоторые беспоповцы разных толков учат детей и по букварям единоверческим. Что же касается до псалтыри и часословов, то, разумеется, они отличаются от употребляемых в господствующей церкви только несколько большим несовершенством перевода и тяжестью языка дониконовского времени. Никаких политических выходов, никакого задора, порицания и глумления против учреждений господствующей церкви там нет, да и быть-то не может.

«Отвращение к церкви и церковникам-никонианам» внушается раскольничьим детям прежде всего дома матерями да бабушками и частью отцами родными и отцами духовными (батьками). Потом смутно понимаемая ребенком разница «древлего благочестия» от «новой веры» сознается ими яснее при виде стеснений, воздвигаемых никонианами против «древлего благочестия». Слушая частые семейные разговоры о необходимости известных мер предосторожности против доносов по управе духовного благочиния, ребенок с

детскою чуткостью проводит параллель между смиренно ходящим «батькою», внушающим, что не та вера, «которая мучит, а та, которую мучат», и другим лицом, предлагающим на выбор Сибирь или православие. Конечным результатом этого сопоставления есть ненависть и презрение к духовенству господствующей церкви и теплое сочувствие батькам. Затем сильное чувство бессильной ненависти воспитывается многочисленными сочинениями по истории преследований, предпринятых в течение двухсот лет для подавления невинного «фанатического заблуждения». Этих сочинений, и печатанных, и писанных полууставом (в чем искусны не одни ученики ковылинской школы), весьма много, и они-то доканчивают дело русско-христианского разъединения, предпринимаемое всегда во имя единого пастыря. Школы здесь ровно ни при чем. Весь процесс систематического озлобления раскольничьего юношества начинается для него до школы и оканчивается за нею. А чему учат в школах, то, снова повторяю, нимало не способно «внушать отвращение к церкви и церковникам-никониа-

нам». Да и ни книг таких, по дороговизне их, в школах нет, и учителя, выбираемые из «простецов» и людей самых плохоньких, слишком ничтожны для того, чтобы заниматься такой пропагандой. Кроме букваря, часовника и псалтыря, начал счисления, крюкового пения и письма уставом ничему не учили в уничтоженных правительством псковских школах и ничему не учат у нынешних «мастеров» и «мастериц». Псковские раскольники очень сильно мечтают о разрешении им учредить для своих детей отдельную школу, но у них нет никакого определенного представления о том, как учредить эту школу и чему в ней обучать. При настойчивом домогательстве поставить псковского старообрядца в необходимость дать более или менее ясный ответ о его соображениях насчет школы, можно добиться только одного, что школа должна быть отдельная; что раскольники не могут позволить своим детям мешаться с «нововерами» и что нужно учить по старым книгам. А учить «по старым книгам», как я уже сказал, это значит учить букварю, псалтырю да часовнику. Раскольники вообще очень лю-

бят вздыхать и жаловаться на свое невежество, ставя это, разумеется, в прямую вину правительству и духовенству господствующей церкви; но в сущности и у самих их не замечается ревности к образованию своих детей. «Всему надо бы, говорят, поучить понемножку; много нам не требуется по нашему сословию, а понемножку бы следовало». Живая русская сметка вслух подсказывает хранителю «древнего благочестия», что непроглядная тьма нелепого буквоедства не выдержит животворящих лучей просвещения, и раскольник боится этого света. Он желает выбрать из массы научных знаний для своего юношества исключительно лишь те, которые бы дали молодому раскольниковому поколению средства быть поспособнее к ловкому обделыванию дел с людьми современного развития, но самого человеческого развития раскольник боится более страшного суда и даже более потери полтинных барышей на рубль, дающих средства покупать совесть того или другого случайного человека. Можно утвердительно сказать, что если дело школ предоставить самому «древнему благочестию» без

педагогической инициативы министерства народного просвещения, то в этих школах будут учить только тому же букварю, часовнику и псалтырю, да разве прибавят малую часть арифметики, так как это нужно по торговой части, и еще, пожалуй, поучат немецкому языку потому, что он также нужен по торговой же части. Но ни географии, ни истории, ни, Боже спаси, физике и другим естественным наукам ни за что учить не вздумают, так как все это, по их мнению, вредно. Да не говоря об этих науках, даже все мои усилия доказать необходимость изучения ребенком библейской истории прежде скучного часовника и вдохновенных, но непонятных ребенку поэтических воздыханий Давида обыкновенно оставались безуспешными. У них есть несчастный, чисто католический взгляд, что «рабу» вовсе не нужно знать Евангелия и даже «не достоин чести его в доме», а особенно человеку, который еще «миршит», то есть не бросил своей подружки; а ему следует только молиться, и поэтому часовник с псалтырем нужнее всего. Вот тут еще можно указать на одну резкую черту, отличающую раскольни-

ков от еретиков, черту, о которой ничего не сказал г. Мельников. В то же время, как раскольник трепетно боится дать сыну широкое, здоровое образование, ясно сознавая, что при образовании нельзя оставаться ни феоdosеевцем, ни поморцем, ни филипповцем или тем паче королевцем, некоторые еретики особенно принадлежат науке, а духовные христиане (особенно субботствующие), отвергая сверхъестественное рождение Христа от девы, отрицая необходимость всех таинств, а также признавая почитание икон идолопоклонством, утверждают, что крещение есть учение, и не только подобострастно чтут ученых людей, но даже часто считают их своими. Субботствующие молокане нередко говорят: «Что мы за еретики? Все вы такие же еретики. Толк-то в нас один живет». В Пскове есть один духовный отец («батька»), живущий под секретом и служащий, как мне кажется, в небольшой, но прекрасной домовой молельне, ибо общественная молельня тоже правительством уничтожена, но я не мог побеседовать с этим отцом, потому что его не было в городе. В среде же его паствы (не говоря о Х.) я

встретил невежество поражающее, становящее в тупик и преисполняющее глубокого сожаления к этим людям, бродящим с непроницаемою повязкою на помутившихся от поклонного кивания глазах. Ни истории Ветхого Завета, ни новозаветных событий, ни истории собственного раскола и разницы его с другими ветвями староверчества почти никто не знает. «Мы по-старому», да и все тут. Вот образчик, до чего простирается здесь раскольничье невежество: мне удалось сойтись с одним здешним умником, начетчиком, человеком лет 40 или 45. С первого взгляда мне показалось, что я имею дело с узколобым фанатиком, зачитавшимся так называемых в древнем благочестии «толстых книг». Умник тотчас начал вызывать меня на решение теологических вопросов, разумеется, давно решенных им по его «толстым книгам», и срезал меня. Говорили мы о Никоне, о сугубой аллилуйе, о имени Иисусовом, — во всем я оказался сведущим.

— Ну да, — говорит мой искушатель, — а что как вы о мирском имени Христовом разумеете?

После моих усилий разъяснить себе вопрос оказалось, что у Христа есть еще какое-то мирское имя. Я говорю: Исус.

— Ну это одно.

— Христос.

— И это так! а еще?

— «Еммануил, еже есть сказаемо, с нами Бог», — говорю я.

— Нет, мирское-то, мирское, — добивается мой умник.

Ничего я не мог придумать и, побежденный, сознавая свою несостоятельность, просил открыть мне это мирское имя Иисуса Христа. Ну и оказалось, что, по сведениям моего экзаменатора, Христа звали еще «Яковом».

Отчего же это? Где на это указание? Дело очень просто. В тропаре поется «яко бо прославися» — из этого сделано «Яковом прославися». Впоследствии я слышал это сказание еще от двух крестьян, из которых один был прядильщик из Орловской губернии. К довершению прелести должно сказать, что со времени уничтожения школ в среде псковских раскольников завелось много безграмотных,

и если бы здесь не Павел с своим апостолом Х., то псковская община, кажется, давно способна бы пожалуй выкинуть такую же штуку, какую, по слухам, отлили недавно тысячи пермских поморцев, обращенных одной бабой из поморства в безбрачную феодосеевщину. Благодаря обстоятельствам, по милости которых эмигрировавший инок Павел может навещать покинутое отечество, произошло противное. В Пскове брачатся, молятся за царя и вообще все народ такого свойства, что дай на них посмотреть самому строгому инспектору, он непременно запишет им пять в поведении, только боюсь, не было бы у них ноля в успехах.

О предметах преподавания, как я уже сказал, мне было нечего говорить, я стал заводить речь об учителях. На этот предмет у псковских раскольников взгляд очень ясный, и они здесь показали себя людьми довольно стоворчивыми. Прежде всего им, разумеется, желательно иметь в своей начальной школе своего (то есть раскольника же) и учителя. Но рядом систематически приведенных доказательств, что у них нет или очень мало людей,

способных выдержать экзамен, хотя бы на звание приходского учителя, а без экзамена учителя нельзя допустить, мне удалось вызвать их на раздумье. Конечно, прежде всего вышло, что это не их вина, что «это все власть наделала», но когда я, устраняя причины, ставил только факт, существование которого изменить нельзя и с которым уже надо что-нибудь поделаться, то высказалось такое мнение: «Учителя можно принять и православного, лишь бы по нашему выбору, а попа чтоб духу не было».

Так как это мнение сильно поддерживает Х., то я не сомневаюсь, что его будет держать вся псковская и все окрестные общины с тою же настойчивостью, с какою они при отце своего патрона держались веры, которую в то время мучили. О соединенных же школах вместе с православными даже слышать не хотят и наотрез говорят, что «детей не пустим». По моему мнению, о таких школах нечего и думать. Это будет новая прибавочка в длинном ряду печальных полумер, раздражающих народные инстинкты и возбуждающих ропот и неудовольствие в людях, преданных прави-

тельству и ожидающих от него великие и богатые милости.

Этим оканчиваются мои школьные разведки в Пскове, который я по счастливой догадке сделал преддверием моего вступления в немецкий город русского царства.

Я не могу пускаться в рассказ об особенностях нрава и обычая псковских беспоповщинских староверов, потому что обстоятельства не позволяли мне засиживаться в Пскове. Я здесь только старался уяснить, что за религиозный дух я встречу в Риге, составлявшей для меня всю цель моего пилигримства.

Во время пребывания в Пскове я жил в гостинице, — даже забыл теперь, как она называется. Знаю, что она приходится где-то на стрелке двух улиц и ход в номера через трактир. Прегадкая гостиница! лакеи обсчитывают не хуже берлинских кельнеров, а клопы точно вишни владимирские. Целые ночи я спал на окне, на котором по целым дням писал, отдыхая утомленными глазами на раскаленной мостовой, совершенно пустой в течение всего дня, губернской улицы.

Организованной общины с самостоятель-

ным общинным правлением здесь нет. Вся сила в Х. Остальное все на него смотрит и около него ютится. Жалоб на особые стеснения не слышно; только головою очень многие не хвалятся. Старообрядцам несомненно хочется иметь головою Х. О церкви благословенной рассказывают, что она всегда пуста и держать ее не для кого.

— Нам только образов-то уж очень жаль, что туда отдали, наши то образа, понимаете, — из моленной, из разоренной, — говорят псковские беспоповцы. — Ведь окромя теперь как старосты Агафона Ивановича да попа, никто им там не молится. Церковь пустая, и радения о ней нет; обваливается вся. Придет поп, позвонит, позвонит, да и пойдет. Что это за радение? Да и поп бы ушел, кабы не «подписавшиеся», что к нам вернулись. Ими только и держится. Вот теперь по царской милости и в Динабурге, и в Риге «подписавшиеся» по свободе вернулись, а у нас нет. Все ждем разрешения еще: ходателев настоящих еще нет у нас. Рижцам что? Они сила. Что хотят, то обломают. Феливанова, купчиха, приехала, рассказывала, какая там жизнь-то. Процвета-

ет там вера! У нас один духовный отец, и тот под сокрытием, а уж ему восемьдесят лет. Помрет нынче, завтра. Петь некому; а по селам и бабы попят. А в Риге-то! Шесть батек, хор в сорок человек, все по цолям жарют. Такое пение, говорят, что даже изреши невозможно. Свобода! Никто к тебе в хату не лезет, хоть ты будь и подписной. А у нас на Настасьев день-то что бывает? Ломком образа в дом вносят. Еще губернатор нас не дает, а то б что тут и делать!

— Хорош, стало, вам губернатор-то?

— Им только живы, — а то ломком на Настасьин день так и прутся. Вот кабы он голову нам из наших походатальствовал, а то что это за голова? Это бабьи ноги!

— Ну другого выберите.

— То-то из церковных-то выбирать некого. Вот если бы из наших. Теперь, прямо сказать, из наших Василий Николаевич! Сами вы умный человек называетесь, можете нечто понять, стало быть, какой человек Василий Николаевич? Первое дело — умница, что уж умница, и толковать про то нечего. Сами вы умный человек, нечто понять можете. Опять ду-

шевный, совсем душевный; для своего брата христианина — помощник; «религиозный», богобойный муж, крепкий, и капитал опять себе настоящий имеет.

— Писали об нем, слышно, что-то за границей будто?

— Вы этому, сударь, не верьте! Этому, милостивый государь, верить никак невозможно, потому это все по злобе, — верно докладываю, по злобе, что на него, что на губернатора на нашего, все это по злобе! Мы кто и писал-то знаем, ну да не тронь... мы это все соберем в одно.

— Про сад какой-то также будто писали?

— Да все вздор, как есть вздор. Ну погоди!.. Мы это все знаем, про писателя-то этого. Он у нас узнает, как писать-то, — жимра этакая, еретик поганый. Брешет, псу уподобляйся печеными губищами-то. Ну да погоди, мы ему бирку-то эту сметим!

Вот единственный разговор об общественных делах, на который мне удалось вывести одного моего знакомого, псковского беспоповца, весьма оригинального, суетливого чело-вечка лет пятидесяти. С другими мне не уда-

валось говорить о делах этого рода, да и вообще я не гнался за здешними заметками, а только все списывал книги да размышлял о Риге, всевозможно заботясь, чтобы не дискредитироваться там на первых порах ошибочным понятием о духе рижского раскола.

Семейный быт псковских беспоповцев, сколько я мог заметить по самому кратковременному знакомству, весьма недостаточному для изучения какого бы то ни было бытового строя, на взгляд ничем не отличается от рядового быта русского купечества и мещанства. То же гомерическое невежество, скопидомство, скряжничество, крайнейшая любостязательность, суеверный фанатизм и крепость в отеческих преданиях, разврат и семейный деспотизм. Впрочем деспотизм здесь, пожалуй, несколько слабее, чем в православной семье, и я решаюсь это приписывать влиянию федосеевского духа, дающего женщине некоторую самостоятельность, признавая ее «посестрием», временною подругою, а не женою, не крепостным лицом, каким трактует ее русский православный простолюдин. А может быть, в этом играет некоторую роль и то,

что в Пскове раскольницы гораздо грамотнее, чем их сожители; а неграмотный простолюдин всегда с некоторою долею уважения смотрит на грамотного, особенно в расколе, где чтение «толстых книг» есть потребность, и этой семейной потребности во многих случаях удовлетворяет только грамотный член семьи, то есть женщина.

Аристократический раскольничий дом я здесь только один видел, и видел в нем то же самое, что обыкновенно встречается в домах губернских раскольничьих магнатов: барские претензии и мещанское безвкусие; отвратительную чистоту показных покоев, убивающих видом своей неприкосновенности, и нечисть, глядящую из-за дверей жилой закуты; герань с бальзамин^{ом} на окне, двух канареек в клетках, огромный образ с ликом, лишенным человеческого подобия, и костяные счеты с ремешком на рамке. Видел и хорошенькую, новенькую фисгармонику.

— Кто это у вас играет? — спрашиваю.

— Фи! ни Боже мой! Никто не играет.

— Отчего?

— Нет-с. У нас не принято. Это то ж, что пе-

ние, что танцы, что музыка, — нейдет это.

— Какой же вред видите вы в этом?

Хозяин, прельстивший меня здравым взглядом на труды Павла, вышедшего воевать с фанатизмом и сухим, холодным развратом, словно вдруг преобразился передо мною.

— Вот видите, — начал он. — Беды точно нет, а посудите, что ж такое музыка? Никакой нужды в ней нет.

Материалист и утилитарист, думаю себе и спрашиваю: «Ну а танцы?»

— Фи! Ну помилуйте, женчина с мужчиной обоймутся, вертятся, грудь о грудь трутся!.. Фи! нет, что это.

Мадам Жанлис, думаю я и продолжаю расспрашивать:

— Как же на это отец Павел смотрит?

— Строго запрещает.

— Не может быть!

— Истинно вам говорю.

— И музыку?

— И музыку.

Удивило меня встретить такую нелепость в таком человеке, каким мне показался Павел по его сочинениям. Впоследствии я узнал, что

бедный проповедник нередко заставляет себя делать многие уступки своим ученикам, любящим запреты, устанавливаемые в интересах веры. Проученный Москвою, где его едва не выбросили за двери и отлучили от сонма, оскорбленный в многих общинах польского края и особенно в Вилькомире, где ему не хотели дать крова и приюта, он стал очень осторожен и, опровергая своим ученикам ту или другую нелепость, кажется, всякий раз шепчет: «Много еще имам глаголати вам, но не можете ныне носить». Он очевидно потворствует фанатизму, чтобы не потерять всякого влияния и не прослыть окончательным еретиком, как случилось с составителями последнего примирительного московского соборного послания. Приводя своих учеников к нравственной жизни с одной женщиной и к столь же нравственной заботе о детях, происшедших от этого «союза любви», заставляя их уважать заботы человека о семье, а не отлучать за них и растолковывая им простой и прямой смысл многих писаний, о которых мы тоже с ним вместе потолкуем с читателями, он уж позволяет им дурачиться, зная, что

вросшее годами сразу из лба не выковырнешь.

— Зачем же у вас инструмент-то в доме?

— Орган-то этот-с?

— Да.

— Так...

— Для мебели?

— И для мебели, да и опять по случаю он попался-то.

— Дешево купили?

— Нет-с. Тут одна барынька была, да прожила, так уезжала, а мне так безделицу должна была, — ну Бог с тобой, думаю, что с тобой делать, и этот самый орган так и взял. Пусть, думаю, мухи полазят! хи, хи, хи!

«Остави нам долги наша, яко же и мы оставляем должником нашим» небось сколько раз в день пробормочет! Молитву-то Господню еще потолковал бы Павел этому древлему благочестию, этим сугубым фарисеям, спорящим о кресте и не знающим, что с креста сказано.

«О, роде лукавый! Доколе живу с вами, доколе терплю вы? — что мя глаголете: „Господи! Господи“, воли же моя не творите?» — Не

боятся в свиней влезть, а озеро недалеко, не мельче Гедаринского.

РЕДКИЕ КНИГИ ПОТАЕННОЙ СТАРОВЕРЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ПСКОВЕ

Между книжным хламом, состоящим из груды всяких букварей, цветничков, псалтырей, часословов и проч., я нашел во Пскове три, достойные замечания, книжки потаенной или, лучше сказать, просто заграничной церковнославянской печати. Это старая книга страстей Христовых, напечатанная в 1793 году во Львове, и два тома сочинений инока Павла.

Первую из этих трех книг я видел в моем детстве у моего отца, который брал ее у своего приятеля, покойного орловского купца, Ивана Ивановича Андросова. Андросов вовсе не принадлежал ни к одному из известных видов русского религиозного разномыслия, но услаждал свою старость чтением этой любопытнейшей из апокрифических книг и дорожил ею более, чем остатком дней своей зака-

тывавшейся жизни. Двадцать с лишком лет прошло с тех пор, как я моими детскими руками переворачивал широкие листы толстейшей сине-серой бумаги, на которой напечатана эта книга, но и теперь я помню мельчайшие обстоятельства, при которых я упивался запрещенною книгою, отыскивая в ней именно те подробности Христовых истязаний, которые мне хотелось во что бы то ни стало найти и которых я не мог допытаться ни от священной историй, лежавшей в моем шкафике, ни от тяжелой Библии, которую с благоговейным трепетом снимал со стола моего отца, ни от исключенного за буйственные поступки из философского класса семинарии учителя моего Иосифа Арсеньевича. Я не помню ни одной книги, которая по моим тогдашним понятиям могла представлять интерес мало-мальски ровный содержанию этой книжки, заставлявшей меня плакать по Христу и вскакивать ночью от образов страшного Иуды и чудовищной картины ада, с беседующими в нем людьми Ветхого Завета. Обеднявший на старости лет, купец Андросов, обладавший на законном основании этой книгой,

представлялся мне самым счастливейшим человеком. С тех пор я ни разу не встречал другого экземпляра этой книги. Один раз, лет семь назад, я видел рукописную тетрадь о страстях Христовых у одного поповца Черниговской губернии — это были выдержки из львовской книги; другой раз я видел список этой книги у одной монахини ордена базильянок, но этот список был сделан по-польски. Весьма вероятно, что это мог быть перевод с церковнославянского языка, на котором напечатана львовская книга, но с этого времени, в которое я уже не смотрел на каждую книгу с детским доверием, мне всегда почему-то сдавалось, что в издании львовских страстей непременно принимали некоторое участие католические патеры. Никогда я над этим серьезно не задумывался и нигде не справлялся, но так уж мне почему-то сдавалось. Встретив второй экземпляр этой книги в Пскове, и именно такой самый экземпляр, который, двадцать лет тому назад, приносил моему отцу Иван Иванович Андросов, я несказанно ей обрадовался и духом пролетел давно знакомые страницы, облитые деревян-

НЫМ маслом и воском.

«Страсти Христовы», напечатанные в Львове, никогда не читаются у людей древлего благочестия при богомолениях, но они составляют самое любимое и самое обыкновенное домашнее чтение. Легендарность, эффектность и подробность этой книги не может не прельщать умов такого народа, каковы в большинстве наши люди древлего благочестия. Ее с величайшим любопытством и с самой снисходительной улыбкой к наивнейшим вымыслам прочтет не только каждый верующий, но даже и не верующий во Христа человек. В ней интересно все: от распухающего на необъятное пространство Иуды до импровизированных сношений Тиверия Кесаря с Пилатом. Я решился сделать из этой любопытной книги большие выписки и выписал все, что может дать понятие о разноречии этой религиозной легенды с исторической истиною известных событий.

Предлагаю читателям мои выписки из поведи о Христовых страданиях просто как интересное чтение, а не как вещь, подлежащую критическому разбору. Разбирать ее нечего.

—

ВЫПИСКА ИЗ КНИГИ «СТРАСТИ ХРИСТОВЫ», НАПЕЧАТАННОЙ ВО ЛЬВОВЕ В 1793 ГОДУ[1]

«...И абие вскоре умерший Лазарь из гроба яко лев из вертепа изшед, или яко орел из бездны возлете: тако и сей Лазарь, друг божий, от гласа Исусова излете из адовых уст». (Глава 2, лист 5-й на обор<оте>.)

«Лазарь же отбежав во остров Кипрский, и тамо пребывая последи от Апостол поставлен быть архиереом Китейскаго града. По оживлении же своем Лазарь ничтоже ядыше без услаждения, но всякое ядение с медом ядыше, от горести адския, даже до преставления своего. Глаголет же ся яко омофор его, сама Пресвятая Госпожа Владычица наша Богородица и присно дева Мария мати Господня своима пречистыма рукама сотворши и даде ему. Он же приим честно у Владычицы нашея Богородицы, и поклонися ей любезно, и целовав нозе ея, и благодари Бога. Добре же пожив и бо-

гоугодно, еще тридесят лет, и успе с миром паки, и поиде в царство небесное. Святое же тело его премудрый царь Лев неким явлением божественным отгуду принесе в Царьград, и в пречестнем и святем храме, созданнем во имя его, положи честно в раке сребряне, идеже и до ныне пребывая, велие и неизреченное благоухание и ароматныя вони источает, и исцеление подавает всяким недугом с верою приходящим ко гробу его святого друга божия Лазаря».[2] (Гл. 2-я, лист 6-й на об. и 7-й.)

«И совещаща множество сребренников дати тому, иже бы обещался искупити Исуса от сродников его, и от ученик разлучити, и предати его Христа единого нощию». (Гл. 4-я, л. 12-й на обор.)

«И ту диавол между ими (апостолами) искаше такового апостола, который бы рад был имению, и любил бы суетное богатство мира сего, и тленное собрание. И того не обретесе в Петре апостоле, сей бо остави жену и дети, и вся елико имеяше, и последова Христу. Такжеде и Андрей первозванный (sic), сей бо прежде всех поиде за Христом, и ничимже пе-

кеися, токмо еже исполнити волю христову. Такожде Иаков и Иоанн, и сии бо оставиша отца своего в корабли, творяще рыбную ловитву, и последоваша стопам христовым, ничтоже своих имении брегуще. И всех апостолов диавол обыде по ряду, и виде их всех, огражденных постом и молитвою, и сего света во уметы вся творящих, да токмо единого Христа себе приобрящут. Такожде и нам подобает, о братие, внимати апостольскому учению и житию их подражати, и ограждати себе всегда постом и молитвою непрестанною: да приходящу к нам диаволу и видяшу нас в страхе божии и трепете всегда пребывающих, плевел своих всеяти в сердца наша никакоже возможет». (Гл. 4-я, л. 13 на об. и 14-й.)

«Хощу дамú дáси зде на блюде главу Иоанна Крестителя (говорит дочь Ирода на известном пиршестве). И печален бысть царь. Клятвы же ради, и за возлежащих с ним не восхотите отрещися ея, но повеле дати ей. И абие посла царь в темницу спекулятора, и повеле принести главу св. Иоанна предтечи. Спекулятор же шед усекну его в темнице, и принесе главу его на блюде, и даст ю девице, девица

же отнесе ю матери своей. О злочестивыи и прескверныи и злосмрадныи и беззаконныи и блудныи Ироде, како не устрашился еси дати святое некрáдомое сокровище, и непорочное светило церковное, и благовестие царства небеснаго, главу Иоанна крестителя, Иродиаде злосмрадней и нечестивей во мзду сквернаго плясания; о Господи Владыко Царю небесныи, како стерпел еси таково беззаконие, и не повеле земли пожрети всех играющих тамо; скончав же течение свое предтеча господень, и сниде во ад, и познаша ѹ сущии во аде. Ту бо бяше Авраам и Исаак и Иаков, Исаия и Давыд, и прочии множество святых пророк. И вопрошаху Иоанна о Господе, глаголюще: идет ли убо свободити нас от скорбей сих, или не скончаются пророчества наша о Нем. Инии же глаголаху: еда како хочет страсть прияти нас ради. Пророцы же крепляхуся глаголюще, еда како хочет смерть прияти; разумехом мы хотящее быти, и тако пророчествовахом миру всему. Рече же святыи Иоанн предтеча всем пророком: приидите вкупе вси вы и поведайте ми что пророчествовасте. Да слышавше подвижнее будете. И

отвеща первый пророк Давид, рече: аз разумех, яко без олвы тихо сходит с небесе, и рекох: снидет яко дождь на руно. Исаия пророк рече: аз разумех, яко от девы родитися хочет, и рекох: се дева во чреве примет и родит сына и нарекут имя ему, Еммануил. И други пророк отвечава рече; аз разумех яко дванадесять ученик, вместо дванадесяте патриарх хотяста ему служите, и рекох: во отец твоих место быша сынове твои. И други рече: аз разумех яко хочет чудеса творити, и рекох: разверзутся очи слепых, и ушеса глухих услышат. Други же отвечава рече: аз разумех яко ученик его хотяше предати, и рекох: ядыи хлеб мой возвеличил есть на мя лесть. И други рече: аз разумех яко на тридесяти сребренницех хотяше продан быти, и рекох: поставиша цену мою тридесять сребренник, и Исаия пророк рече: аз разумех яко на суд хочет веден быти, и рекох: сам Господь на судище приидет со старцы людскими. И отвеча Иеремия пророк, глаголя: аз разумех яко на древе хотят его распяти, и рекох: приидите вложим древо в хлеб его, и возмем живот его. И други отвечава рече: аз разумех, яко во

гробе хотят положить его, и рекох: положиша мя в рове преисподнем, в темных и сени смертней. Се же пророком глаголющим, и веселящимся о благовещении предотечеве во аде. Слышав же ад[3] глаголы их и рече ко диаволу: о ком сии глаголют высокомыслинии: кто ли радость творя им, не веде: о ком же ли благовествует им токмо вижу в них радость велию. Отвещав же диавол ко аду, глагола ему: ни чтоже не ужасайся и небойся гласа их, и небрезуй их веселитися, себо им ныне пришед радость творит Иоанн креститель, есть бо велик богогласник. Егда бе на земли, велико свидетельствоваше о человеце том, и глагола всему миру, яко сей есть Христос хотя избавити вселенную. И аз внидох во Иродиаду советницу мою и снаследницу, и тою прогневах Ирода царя на обеде и повеле в темнице Иоанну крестителю и пророку мирови главу усекнути, и дати отроковице, дщери Иродиадине, еюже Иродиада яко яблоком поигра на блюде. Егоже глаголаше яко сей хотя избавити вселенную, но ни сего самого не избави. И отвеща ад ко диаволу глаголя: блюди откуда и чий есть сын; себо вельми раду-

ются все слышавше о нем. Блюди испытно, еда хоцем единого приобрести и всего мира лишени будем. Но еже не токмо не будет мѹ лишение, но и смеху, и поруганию достойни будем. Сия слышав диавол от ада страшливыя словеса, и иде ко Июдеом, и вооружи их на Господа Бога и спаса нашего Исуса Христа, сына Божия. И пребываше диавол в соборици иудейском, и неотхождаше от них, научая их на распятие Господне. Неведяше бо окаянный диавол, яко Господня смерть всему миру будет воскресение. Абие же сатана поиде ко Господу нашему Исусу Христу сыну Божию, и искаше во апостолах како бы и котораго обрести молитвою не ограждена и постом, и обрете Июду не храняща заповеди Христовы. Тогда же посла Христос Июду во Иерусалим купли ради снадных, и виде его диавол, постом и молитвою неограждена, но просто идуца путем, и напусти нань несытьство богатству, и сотвори его любителя сребру, и нача готовити его на предание Господа Бога и спаса нашего Исуса Христа сына Божия». (Гл. 5, листы 16–21.)

«И прият помысл Июда нанесенныи ему от

диавола любити сребро, и возлюби тленное богатство, и взя на себя безстыдство». (Гл. 6-я, л. 22-й.)

«Ведае же Исус Христос сын божии божеством своим, яко уже страсти Его пресвятая час приходит. И того ради не отхождаше от пречистая Матери своея пресвятая Госпожи наша владычицы Богородицы и присно девы Марии. Утешая ю спасительными своими словесы. Пречистая же мати Господня позна в словесех сына своего и Господа, яко уже прииде час страстей Его святых. Понеже бо всегда чтяше писание пророческое, и ведяше яко подобает пострадати Христу, и дати себе на смерть крестную, за избавление всего мира, и внити во славу свою. И вопроши Его глаголя: о, сыне и боже мой, повеждь ми яве матери и служебнице своей, что яко вижу Тя зело смущена и лице Твое святое вельми изменено; слышах бо о Тебе, яко грядеши во Иерусалим к беззаконным жидом: а они тебе уже колькраты хотеша убити. И слышах яко Ты хочещи тамо пасху ясти: понеже бо и послал еси двух апостолов своих уготовати тамо пасху. Господь же наш Исус Христос сын божий рече

к матери своей: о возлюбленная мати моя Мария, не скорби о мне. Имам бо предан быти в руце человек грешник и поругаются мне, и оплюют, и умертвят, на кресте распеньше: но в третий день воскресну и твое имя возвеличу на земли паче всех родов человеческих. Госпожа же наша владычица пресвятая Богородица и присно дева Мария мать Господня в той час отведе Иисуса сына своего в тайное место, ни ким же видимо, и паде пред ним ниц на землю, и нача Его умоляти, дабы не шел во Иерусалим. Он же не даде матери своей до земли поклонитися, но удержа ю пречистыма своима рукама, и рече ей: о преблагословенная мати моя Мария, почто покаряешися пред сыном своим, тако кланяющися; повеждь дерзостно, что требуеши от Мене. Она же рече к нему с великим плачем и рыданием горьким, и с великою жалостию сердечною: о возлюбленный сыне и боже мой сладчайший, имам у Тебе днесь нечто просити, дабы исполнил прошение мое матернее, и прошение мое небы тще было, свем убо яко Ты учиши люди сам в законе, отца и мать чтити, и во всем их слушати. И Ты о возлюб-

ленный сыне и боже мой послушай мене матери и рабы и служебницы своей; не ходи во Иерусалим, но аще хочещи сотворити пасху ясти, то сотвори zde в Вифании. Сице же рекши, и паде на честныя нозе Иисусовы, с великими слезами. Он же удержаю и не даде ей до земли пасти (о Христолюбцы верныя вси в вере Христовой живущий, зрите убо како творец небесный сам нам грешным образ показуя, дабы мы имели в чести родителей своих отца и мать, и во всем бы повиновались и чтили их). Иисус же рече к матери своей: о преблагословенная мати моя Марие, не имам ити во Иерусалим, но токмо в дом Заведеов. Она же рече: тако мне днесь поведана Мария сестра Лазарева, яко приидоша родители ея из Иерусалима, и поведаша яко умыслиша жидове о Тебе в велик день убити Тя. Понеже и оружие свое собраша, и воинов уготоваша, яти Тя хотят. Но еще бы аз тому неверила, но понеже сердце мое от многого смущения во мне сокрушается, и слезы безпрестанно от очию моею текут, и из персей моих воздыхание велие исходит, и мню тому в правду быти. И Ты, о возлюбленне сыне и боже мой,

неходи во Иерусалим, ибо сам учиши от зла отходить, и гневу место давати. И сия словеса Исус Христос слышав от матери своея, вельми умилися, и Сам из пречистых своих очей слезы испусти, и рече к ней: о преблагословенная мати моя Марие, егда не прииде час мой, тогда аз уходих у них многажды. Иногда бо мя хотеша камением побити, и Аз от них невидимо проидох. Иногда же хотеша мя с горы низринути: Аз же божеством своим от многих их казней укрывахся. А днесь уже час мой прииде, еже от века проречено о Мне. На се бо мя отец мой посла, и на сие приидох Аз в мир, да от мучительства диаволя своею смертию спасу весь мир. Сие же слышавши пречистая Богородица, с великими слезами и жалостию сердечною объемши Его рукама своима, и ударися о землю горько, глаголющи: о сердце мое, о утроба моя ныне терзается во мне.[4] Днесь Симеоново пророческое слово сбысться истинно, еже прорече: и тебе самой оружие сердце твое пройдет. Како ты помыслеши, душе моя, о разлучении света моего; что же убо аз в скорби своей имам сотворити; яко сын мой и Бог, и свет очию моею, хочет со мною

тяжце и горце разлучитися. Исус же нача ю утешати умиленными глаголы, и поведа ей, яко все имать терпети волею своею, да сотворит волю пославшаго Его отца, и исполнит пророчества, яже о Нем дух святыи усты пророк изрече. И подъя ю Исус от земли пречистыма своима рукама, и держаше. Услышав же таковыи плач и рыдание велие пречистыя Богородицы, жёны мироносицы, яже всегда с нею не отходно пребываху; скоро к ней приидоша, и взяша ю под руце и держаще ю глаголаху: о госпоже Марие мати о господня, что тако вопиеш; чесо ради сицевыми гласы вельми плачеш; Она же рече к ним: о жёны, аще бысте ведали сицевии великии плач мой, и велие рыдание, и вы бы и сами плакали, якоже и аз плачу. Понеже мой сын, а ваш учитель от нас разлучается, и идет во Иерусалим на смерть. И рече к ней Марфа сестра Лазарева: Госпоже наша пресвятая Богородице Марие, не вери тому, коль краты смущают нас часто, хотяще Его убити: а Он всегда с нами пребывает. Брата нашего Лазаря четверодневна суца из гроба воскреси, якоже от сна возбуждь. Тако ли Сам себе от незаконных

жидов не может оборонити, Бог бо сей есть. Рече же к ней пресвятая Богородица: вем бо яко мощен есть себе оборонити, Бог бо и человек. Но понеже Сам ми о Своей смерти изъявил, сице глаголя: яко имам ят быти, да исполню волю Бога и Отца Своего, и да избавлю весь мир от работы диаволи. Сие же слышавши жены возопиша с великим плачем и рыданием, обще жалеюще святую Его милость о разлучении от них. Тогда Иисус Христос сын Божий призва к Себе Марфу и Марию сестр Лазаревых, и Марию Магдалину, и начат им сице глаголати: о любимии мои друзи, аз иду во Иерусалим, да исполню волю пославшаго мя Отца: а Матерь мою Марию предаю вам. Вы же не отступно по вся дни с нею пребывайте, в послушании велии, и утешайте ю с великим прилежанием, и ни о чем не ослушайтесь ея, и любовь имейте к ней. Госпожа же наша пресвятая Богородица мати Божия в той час воззревши на беззаконнаго Июду искаротскаго, не ведая его прелукаваго умышления и лъсти, и глагола к нему: о любимый мой приятелю Иудо, ты бо был еси во Иерусалиме, не слышал ли еси коего зла от беззакон-

ных жидов, и не помышляют ли что о моем любезном сыне; Июда же рече к ней: ничтоже, милостивая Госпоже, не видех и не слышах о твоём сыне зла, понеже бо аз имам други приятны, между жидами во Иерусалиме, и они елико услышат в сонмищи их жидовском что о нашем учителе, а о твоём сыне, поведают мне всю истинну, аз же имам возвестити тебе. Сицевыя глаголы слышавши пресвятая Богородица, от беззаконнаго Июды, мало преста от плача: яко не злобивая агница, слышалестныя слова потаеннаго змия, ят веру ему. И глагола к нему пресвятая Богородица: о любимый мой приятелю Июдо, аще ты имаши други в сонмищи жидовском, молютися имей любовь к сыну моему, а к своему учителю, понеже бо он грядет во Иерусалим, и елико услыши о нем кое зло, и блюди его от всякаго зла. О любимый мой друже Июдо, не имам бо иному кому поручити сына моего, токмо тебе, да имаши попечение и прилежание о нем. Понеже бо ты он почтил старейшинством, ты же о здравии его буди ему страж. Аз бо тебе его поручаю и хочу ты во всем повелении его добра быти. Слышав же

беззаконный Июда слова пресвятыя Богородицы, и рече ей: добро госпоже, аз хощу о нем попечение имети. Потом же Исус Христос предаде мать свою женам, сестрам Лазаревым, Марфе и Марии, и Марии Магдалыне. Сам же возрев умильно на мать свою, и рече к ней: о преблагословенная мати моя Марие, благодарю тя о великой и неизреченной матерней любви и милости: понеже убо мя рождьши и сосцема своима воздоила мя еси издетска и питала, дондеже возрастох и до сего дне. За сие же воздам тебе благодарение матери своей божеством своим».

«Благодарю тя яко жаление и попечение великое о мне имела еси издетства моего. Сие же ему рекшу к матери своей, и облобызаю глаголя: поручаю тя, мати моя, Богу и Отцу моему, царю небесному, и помощи Святаго Духа. Аз же волею своею телом своим имам пострадати: но в третий день воскресну, и тебе убо возвеличу паче всех родов небесных и земных. Пречистая же Госпожа Богородица, слышавши сие от сына своего Исуса, и возстановши вельми от сердца своего; паде пред ним ниц на землю аки мертва, от великия

скорби и рыдания. Жены же святых, предстоящие ту близь ея, подъемше ю от земли, утешаху ю умильными словесы елико можаху, от плача ея. По поручении же милостивом матери своя женам мироносицам Господь Бог и Спас наш Иисус Христос Сын Божий скоро поиде во святыи град Иерусалим со Апостолы своими. Уже бо настоящий той день еже есть четверток пред пасхою преклоняшеся. Ведая бо Исус божеством своим, яко уже страсти его пресвятых час прииде, и яко яту быти ему с четвертка в нощи на пяток. И дабы Апостолов своих не наученных и не исполнивших закона не оставил. И яко приспе время быти тайней вечери, и повеле Исус Апостолом своим скоро итти с собою, да ни един бы остался от него». (Гл. 7-я, листы 30–40.)

«Господь же Бог и Спас наш Иисус Христос Сын божий прииде в дом Иакова Заведеова, на предградие близ потока кедрскаго, со апостолы своими во уготованную горницу. Уже бо вся уготована бысть вечеря, агнец великоденный печеныи, и вся по обычаю жидовскому изготовано на столе лежаще лентием по-

крыто. Беззаконныи же Июда не вниде с ними в дом Заведеов, но на пред Христа тече к беззаконным жидом, и поведа им пришествие Исусово. Жидове же беззаконнии вельми радости наполнишася, и хотеша в той час воинов послати на Исуса. Тогда возбрани им Июда, и рече им: весте убо яко он человек хитр зело, коль краты ухаждаше у вас хитростию своею, но еще мало потерпите, дондеже достигнет нощь. Егда же начнет он вечеряти со ученики своими, тогда аз прибегну к вам, и возвещу вам, токмо будете готови. Сице же ему с ними изглаголавшу, и возвратися ко Исусу, и по обычаю поклонися Христу и апостолом всем. Апостоли же его вопрошаху глаголюще: о Июдо, где в толико время был еси. Он же рече к ним: аз бо между вами идох, и на некое орудие останах, и замедлих тамо. Господь же наш Исус Христос Сын божий повеле апостолом по чину сести якоже достоин. Беззаконнаго же Июду посади близ себе одесную руку, а святаго Иоанна Богослова посади ошуюю.[5] И нача Христос с ними со апостолы своими, сам третиинадесять, пасху ясти по обычаю жидовскому». (Гл. 8-я, листы 41—43-

й.)

«Отъиде (Христос в последнюю ночь перед взятием) за поток кедрский, да не будет его ради пролития крови. По отшествии же от апостол, нача Исус тужити и скорбети, сице глаголя: прискорбна ми есть душа моя до смерти, о владычнее милосердие, о предатели скорбяше, смерти бо не бряшеса безсмертнии Господь. Слышав же диавол Господа рекша, яко прискорбна ми есть душа моя до смерти; мняше бо окаянный диавол яко боится Господь смерти, начат подвижнее быти. И тече ко Аду рек: готов буди, Исусови уготовати место твердо, да затворима zde нарицаемаго Христа. Се уготовах нань смерть, и устроих гвоздя, и поострих копие, се же по двою дню представлю ти Его брате мой Аде, много бо ми пакости сотвори на земли и много прогнева мя, и многия сосуды моя истоци. Яже аз завистию невидимо себе сотворях, а он словом исцеляше. А ихже уды разрушах аз, той же словом укрепляйте их, и одр носити повелеваше. Другия же ослепих, затворих единому очи, и веселяхся о нем, егда о стену ударяшеса, и в воду впадаше. Он же пришед не ве-

де откуду, и противная ми сотвори, и словом даде ему прозрети. И другому во чреве матерне ослепих очи, не познати света сего. Он же обрете ѹ, и брение сотвори по маза ему очи, и повеле ему в купели Силуамстей омытися, он же умывся прозре. Аз же места не обретох камо ити, и поят с собою пять бесов на все служебных, и отъидох от него далече, и обретох юношу добра́ и вонь внидох, и живях в нем, и како он разумно уведе, и пришед тамо запрети ми, и повеле ми изыти из него, и не обретох, камо ити, и молихся Ему, да понé на свиниях власть приму.[6] Еще же паки жена от мене в недуг впаде, дванадесять лет в течении крове ея, и не вем откуду прииде тамо, она же коснуса созади края ризы его, и ста источник крове ея, и гневахся нань, но не смеях победитися с ним. И паки отъидох отгуду, и приидох в страны Сирския, в пределы Хананейския, и обретох отроковицу красну, и вшед живях в ней творя ей злое, и вметах ю во огонь, глумяся о ней. Паче же матери ея, ради ея страждаше и не вем откуду прииде и тамо, и абие матери отроковицы текши, поведи о дщери своей глаголющи: помилюя мя Иисусе

Сыне Божию, яко дщи моя зле беснуется. И абие рече ей: о жено, велия вера твоя, буди тебе яко же хочещи, не Сам же той прииде изгнати мя, из дщери ея (!). Другойцы же Ему на мори в корабли спящу, и внезапно воздвигох ветр, и возмутися море, и сражахуся волны, и вливахуся в корабль, и хотех погрузити корабль, немже баше Он со ученики своими; и се уже хотящу кораблю сокрушитися, и абие возбудиша Его ученицы, и востав, запрети ветром и морю, и бысть тишина велия. И пакы оттуду идох в Вифанию, и восхитих друга Его Лазаря, и приведох ти, брате мой Аде, и безпечали бых, мя яко уже не может его оттуду исхитити от тебе. И по четырех днех, не вем откуда прииде тамо, и не ведех, спящу ли ти, или ѓны хранящу, восхити от тебе. И отвеща Ад: аще Той есть иже Лазаря изведе, — молотися не води Его семо, того бо мя токмо глас устраши, и силу мою разруша, и гласа Его не могох стерпети. Того ли ми возвещаети затворити, аще бо он приидет семо, то яже имамамы зде вся изведет отсюду. Аз убо тогда тело Лазарево сгноих, и начата составы его разступатися; егда же Он возгласи: Лазаре,

гряди вон! И абие выскочи из недр моих яко лев из вертепа, и яко вран летяше в мегновении ока, и аз Того затворити не могу. Отвещав же диавол глаголя: утроба твоя несытная, и сила твоя да примет, не блядú много. И отвеща Ад, рече: кая ми сила; ибо аще имел бы силы, победилбыся с ним, но мною ли Июдеи хочещи оправдан быти. И глагола ему диавол: о страшливе, не множайше ли мне колико зла сотвори, не престах бо побеद्या с ним, ты же едино зло приим от Него, толику болезнь мниши себе. Аз убо видех егда он выну болезни исцеляше, тогда начах души человеческая мучити, Он же невидимо здравие подаваше. И егда видех яко тако творит, и паки обретох юношу именем Матфея и возложих на сердце ему помысл имению, и поставив его на мытнице и вельми послушаше мене юноша, яко же и бияше вся и радовахся о нем. И не веде откуда Он прииде, и мимо идьи рече: о юноше, иди по мне, и абие оттого словесе Матфей остави мытницу и последоваше по Нем, и бысть Ему ученик, а мне враг. Аз же оскорбихся зело и мнях, яко возраста ради возлюби его и восхити от мене. Изыдох же в

страны Ерихонския, и обретох человека мала
возрастом, именем Закхея, и внидох вонь, и
устроих его на мытнице, и утешихся от печал
и яже о Матфеи; и мнех яко сего возраста ра
ди не имать возлюбити. И пришед Он с наро
дом не вем откуду. Закхей же не могый виде
ти Его и возлезе на смоковницу. Возрев же
Исус и глагола ему: Закхее, потщався слези,
днесь бо подобает ми в дому твоём быти, и
абие прият его радуясь: и бысть Ему ученик, а
мне враг. И шед возврати четверицею его же
изобиде, и пол имения своего даде нищим.
Егда же не обретох камо ити, идох к братии
моей к жидом, и вооружих я нань. Отвещав
же Ад ко Дьяволу рече: останися Его, ни что
же бо имаши с Ним. И глагола ему Дьявол: аз
видех, яко человек есть, и боится смерти. Се
бо разуме, яко предастся, и скорбя глаголя:
прискорбна есть душа моя до смерти. И глаго
ла ему Ад: иди и якоже хочещи твори, и аще
победиши ѹ, то затворима зде, и царствуем со
Июдою. Аще ли тя одолеет, и пришед семо вся
изведет, яже имамаы затворенныя зде, и свя
жет тя и слуги твоя со Июдою, и предаст вы
мне, о горе вам будет, окояннии. И сия слы-

шав Диявол иде ко Юдеом и вооружи на Господа, да Его погубят». (Гл. 10, лист 52 на оборот до 58.)

«...Потом же окаянии жидове исправишася, и во ум приидоша, и востаха от земли (на которую упали в Гефсиманском саду при слове Христа: „Аз есмь“), яко от сна возбудишася. И рече к ним беззаконный Июда: о не сильнии есте воины, чесо ради страшитесь единого человека толико вас; аз бо мню, яко мзду взясте вы от приятелей его, и помогаете ему, дабы он от вас убежал. Того ради Июда сие изрече, понеже боится, дабы Исус от них не укрылся: и того ради сребренник да не будет лишен. Воины же рекоша к нему: о Июдо, зриши ли, како и сам падаеши с нами, а нам глаголеши, яко мзду мы взяли от его приятелей, и помогаем ему, дабы ушел от нас. Тогда убо беззаконный Июда рече к воином: возьмите скоро свети и зажгите, и поидите уже прочее не бойтесь его. Зряще бо он, окаянный Июда, яко Господь наш Исус Христос Сын божии смилив себе предается на смерть волею своею, и близ их стоит смирен и кроток. Тогда прискочи беззаконный Июда смело ко Исусу,

и объят облобыза Его глаголи: радуйся» и проч. (Гл. 11, листы 59 и 60.)

«Тогда святой апостол Петр скоро воспрянув от сна, и прискочив к ним с яростию великою, и ухвати за груди слугу Архiereова именем Малха, и удари его о землю, и отреза ему правое ухо ножем. Исус же запрети ему и рече: Петре, не дерзай ножем, и вложи нож во влагалище свое. Ибо аще кто ножем на кого дерзнет, то и такожде от ножа и сам погибнет. Внемли убо, Петре, себе, аще убо аз восхотел от сих беззаконных жидовских воинов оборонитися, тогда бы ми предстало безчисленно ангел, яко бы и праху жидовскаго не было: но да сотворю волю пославшаго мя Отца. И да сбудется писание пророческое: поражу пастыря и разыдутся овцы. И повеле Исус Петру апостолу приложити ухо Малхово паки к нему. Святыи же Петр приложи ухо к Малху, и Христос сын Божии исцели его, и бысть цело яко же и прежде». (Гл. 11, листы 61 и 62.)

«Воини же жидовския взявше Исуса, связавше руце Ему пречистыя и на шию Его святую возложиша цепь железную. И начаша бити Его немилостивно мечными плазы и дре-

колием, и иными всякими орудии, кто что в руках своих имеяше; и влечаху Его по земли цепию за шию, и вельми сурово биша Его на месте том, и пречистыя руце и нозе Его отбиша. Потомже возставиша Его на нозе, и поведоша чрез поток кедрский. Сами убо они, окаянии жидове, идяху по суху, Исуса же пяху в блато. Толико же биша Его, яко с великаго их биения не можаше из грязи выбрести, они же влечаху Его цепию за шию, чрез поток кедрский. Егда же извлекоша Его на сухое место, возложиша руки своя на Него, и биша зело немилостивно всякими орудии своими, и злыми и лукавыми умысла. Толико же избивша Его по всему телеси, яко от крови Его и земли обогритися. И аще бы божество не укрепляло Его человечества, то бы и смерть вкусил на месте том. И приведоша Исуса ко двору Анны архиерея, понеже той Анна архиерей тесть Каиафе бяше. Каиафа же того лета церкви держа начальство. И тогда собрашася множество жидов во двор Каиафин, прежде пришествия Христова, ждуще Исуса во дворе той. Тогда видевши апостоли, како жидове наругашася и биша Исуса немилостивно, вси

разбегошася страха ради иудейскаго, кто где возмог убежати и скрытися, токмо един святыи апостол Иоанн Богослов идяше за Исусом близ Его, бе бо знаем Архиереови. И святыи апостол Петр возвратися от бежания своего, идяше издалече во след за Исусом, обзираяся семо и овамо, бояся, дабы не ухватили его». (Гл. 12, листы 63–64.)

Далее о мучениях Христа рассказывается так:

«...И начаша ѹ бити немилостивно по ланитом, и пхаху ногами своими, и плеваху аки в простое лице Христово, и в пречистыя очеса Его, и во святыя уста Его. И толико горце Ему бысть сия мука плевания их смрадное, и проклятое их досаждение, и скверное глаголанье: яко и уму человеческому не возможно изреци. Толикими муками мучиша Исуса, и горше сих. Исусу же быша рuce связани назад, и невозможно Ему быше утиратися сквернаго их заплевания, яко и дивитися тамо предстоящим человеком, таковому их возбешению и поруганию». (Гл. 13, лист 67 на об. и 68.)

«...Тогда вси беззаконнии жидове с яро-

стию, аки злии и безстуднии пси, похватиша немилостивно Исуса и начаша бити, и за власы пречистыя драти, и за святую браду терзати. А инии по пречистым ланитом биша крепко, ударяюще во святую Христову главу. А инии плеваху и святое лице Его, а инии реюще, инии же щиплюще; а инии же преклоняху колена своя, и кланяхуся Ему ругающеся. Инии же аки пси высовывающе языки своя, и прекривляющесе. Ови же завязавше лентием Его очи, и ударяху в ланиту глаголюще: прорцы, нам, Христе, кто есть ударивый Тя; и толикыя неизреченныя муки воздаша Ему, яко пречистому телу Его всему обагритися кровию, и земли омочитися оною, и еле жива суца оставиша Его». (Гл. 13, лист 70.)

На самом суде Пилата являются свидетельства за Христа. «Никодим же некто Иудеанин ту с ними предстоящий на судищи том, рече к Пилату: молю тя, господине Пилате, повели ми рещи слово. Пилат же рече: рцы мы. Никодим же рече: аз рекох ко всему народу Иудейскому на соборе, что ищите за человеком сим вины; аз есмь о Нем истинный свидетель, яко человек сей Исус, глаголемый Христос, много

знамения преславно сотвори, яже никтоже никогдаже сотвори, и сотворити таковых чудес не может. Оставьте Его и не совещаите о Нем зла. Да аще суть от Бога знамения, то тая состоятся, аще ли от человек будут разрушаться.[7] Убо Моисей послан бысть от Бога во Египет творити знамения великая, яже рече ему Бог, пред Фараоном царем Египетским. И беша ту мужие угоднии фараонови, Анний и Замврий, иже сотвориша знамения и чудеса многа, яко же сотвори и Моисей. И имяху их Египтяне яко боги. Но понеже знамения их не беяху от Бога, погубишася, и вси елицы вероваша в них. И ныне оставите человека сего, несть бо повинен смерти. И рекоша Июдеи Никодиму: или ты ученик еси Его, и слово о Нем твориши. И глагола к ним Никодим: еда и Пилат ученик Его есть, и слово о Нем творит. Не постави ли его Кесарь над таковыми словесы. Июдеи же претяще Никодиму глаголати, и скрегчюще зубы своими на него. И глагола им Пилат: что убо зубы своими скрежещете на Никодима, яко слышавше его истинну глаголюща. Решаже Июдеи Никодиму: истинну Его да имаши ты, и в части Его да бу-

деши. И рече Никодим: аминь да буду с Ним по глаголу вашему, яко же вы глаголете. Един же некто от Июдеи возгласи, моляше Пилата, яко да повелит ему слово рещи. Пилат же рече ему: глаголи еже хощещи. Он же рече: аз одержим бех люте болезнию, тридесять и осмь лет, и лежах на одре моем болен, пришед же Исус исцели мя, и рече ми: востани и возми одр свой и ходи, и абие исцелех, и взях одр мой и поидох, и бых здрав. И паки возва другии Июдей глагола: аз слеп родихся, и глас слышах от Него, и учительныя словеса и яко имя Его прославляют вси народи июдейстии, лица же Его не видех. Егда же прииде ко мне, тогда возопих к Нему велиим гласом: помилуй мя, Исусе сыне Давыдов. Он же милосердова о мне и возложи на мя руку Свою пречистую, и абие прозрех, и до сего дня вижу, и не поболех ни о чем. И другии от Июдей рече: аз прокажен бех, и словом едином исцели мя Исус, и до сего дне не поболех. И паки некая жена именем Веруния, издалече вопиющи сице рече: аз кровоточива бех лет дванадесять, и коснулся создаи края риз его, и абие ста течение крови моея, и исцелех, и до сего дне здра-

ва есть. Тогда рекоша Июдеи: закон убо имамы, яко жена на свидетельство не исходит. Мнози же от народа вшедше посреде мужи, и жены, и дети и возваша глаголюще: сей человек пророк велик и силен есть, яко и беси повинуются ему. И глагола Пилат к вопиющим: то почто учителя ваши и архиереи не повинуются Ему. Они же реша к Пилату: не вемы. И инии свидетели восташа по Христе истиннии, и рекоша: мы вемы, яко Сей человек воскреси Лазаря от мертвых, четверодневна суща, во гробе лежаща. Слышав же Пилат, и пристрашен бысть, и рече ко всему народу Июдейскому: что хотите излияти кровь неповинную, и призва Никодима и дванадесять оных мужей, иже глаголаху о Христе, и рече им: что сотворю, яко крамола велия в людех; они же рекоша ему: не вемы. Тии сами да узрят. Паки же призва Пилат весь народ Июдейский, и глагола им: весте яко обычай вам есть на всяк день праздника вашего отпущати вам единого от связанных ваших. Се убо имам некоего убийцу темницы глаголемаго Варавва, и сего стояшаго Исуса пред вами, в Нем же ни единыя вины обретаю. Коего убо

хощите, от сбою отпущу вам». (Гл. 14, листы 76–79 и на обор.)

«Он же (Пилат) убоявся, дабы его Кесарю не оклеветали, повеле воином отпустите Варавву. Исуса же повеле привязати к столпу по среде двора своего и бити немилостивно железием суковатым. Беззаконнии же воины жидовстии начаша бити немилостивно Христа железием суковатым, по четыре человека прменяющесе биша владыку Господа славы. И где пречистое Его тело ударяху, ту отторгошесе святая плоть Его с кровию и падаше на землю. Яко мало не все тело Его святое отпаде, яко жилы Его и кости пресвятыя, быша видими. И аще бы был прост человек, то бы и смерть вкусил: но понеже бысть вкупе Бог и человек, сего ради преизлишне и сильне страсти терпяше». (Гл. 15, лист 83–84.)

«О горе тебе, Иудо, что се сотворил еси: како нечестивии жидове и ненавистницы богомерзцыи имене Иус Христова не взяша сребреники, и ниедин не сме взяти их, а ты, прбеззаконнии Иудо, како творца своего не устрашился еси предати. Бога преслушав, учителя своего отчаявся, прелукаваго же диа-

вола послушав, Сына Божия предал еси на смерть крестную за тридесять сребреник, аки проста человека, и страсть и муку на Него воздвиг. О! Июдо, что каешися пред беззаконными жиды, и архиереи и книжники жидовскими, и старейшины Июдейскими, и что же тебе поможет твое покаяние. И помышляше в себе Июда, иду и удавлюся, и сниду во ад прежде Сына Божия, и егда Он Сын Божий Исус Христос придет во ад, и аз тамо умолив Его спасение получу. И шед повеси себе на некоем дубе.[8] Богу же хотящу, или в покаяние приити ему, или на обличение и на показание и посрамление сохранить его, древу преклоншуся оживе. И потом понеколице времени в недуг чревный впаде, и толико тело его отече, елико идеже колеса удобь мимо хождаху, оному не могущу пройти. Оток же главы его неизреченен, вежди бо выше очес его толико взыдоша, яко ему ни весьма света видети. Очесем бо его во глубине толико зашедшим, яко ни познаватися месту их. Срамный же уд его, всякия убо мерзости мерзчайший являшеся, и паче трупу его велику сущу, яко же от всего тела стицающуся гною и чер-

вем. По многих же муках и томлениях, разсе-
деся на́ полы, яко же Лука глаголет в деяниих.
От смрада же онаго и до ныне пусто и не насе-
лено бысть место оно, идеже нечистую душу
отверже: и даже и до днесь никто же не мо-
жет место оно мимо ити, аще рукою ноздри
не заградит. Толик бо суд и на земли плоти
его бысть. И тако окаянный зле погибе». (Гл.
15, листы 84–86.)

«...Потом же Пилат повеле от столпа Исуса
отвязати, и одеяния его на него возложить.
Егда же отвязаша Исуса, он же паде на землю
не могши стояти. И тогда Пилат предаде его
воли жидовстей, и елико восхоцут да сотво-
рят ему. И осуди на смерть крестную, и пове-
ле его распяти. Жидове же наполниша мздою
руки воином, дабы его до конца умертвили.
Пилата же одариша многоценными дарами,
он же повеле воином уготовати крест, на нем-
же имать Исус распят быти». (Гл. 15-я, лист 87-
й.)

«Егда же бысть уже час шестии дне, воины
же уготоваша крест по повелению Пилатову.
Тогда взяша Господа нашего Исуса сына бо-
жия, и поведоша на место краниево, еже есть

лобное место (яко ту погребесея Адам): к горе Голгофе, на ней же имать распят быти». (Гл. 17-я, лист 89-й.)

«...Воини же, егда пропяша Исуса, прияша ризы его, и сотвориша четыре части, комуждо воину часть, и хитон. Беже хитон не швѣн, свыше исткан весь. Реша же к себе, не предерем его, но метнем жребия о нем, кому будет, да сбудется писание, глаголющее: поделиша ризы моя себе и о матисме моей меташа жребия. И по жребию достася единому от воин тех, родом Иверския страны, хитон святыи. По страсти же Христове и по воскресение иде той воин во страну свою, несе же с собою и хитон Христов; и пришед во своя поведая всем, яже во Иерусалиме содеявшася о Христе. Хитон же Христов даде присней по плоти сестре своей, отроковице сущей вместо великаго дара. Отроковица же та благоразумна сущи, слышавши от него яже о Христе бывшая чюдеса, зело возлюби ю и честне храняше той хитон Господень. По смерти же своей заповеда вместо погребальных устроений в нем и погребсти себе. По мале же времени отъиде и она от жития сего, юже по повелению ея и по-

гребоша в хитоне Господни. По времени же некоем древо израсте над гробом отроковицы тоя велико и красно зело, отнего же миро благовонно истече». [9] (Гл. 19-я, листы 96-й и 97-й.)

«Един же от обещеных злодей, именем Гевста, рече ко Иусу: аще ты еси Христос, спаси себе и нас. Отвещав же другии разбойник именем Дизмас прецаше ему глаголя: брате, не боишился ты Бога, яко в томже осужден еси; и мы убо в правду: достойная бо по делом нашим восприемлем. Сей же ни единого зла сотвори». (Гл. 19-я, лист 97-й.)

«И восташа громи и молнии страшни (по распятии Христа) по всей земли. И тьма бысть от шестаго часа до девятого, солнце преложися во тьму и луна в кровь претворися. Сия видевшя преокаяннии жидове побегоша в дома своя во Иерусалим, с великою поспешностию и со страхом трепещуще и ждуще на ся гнева Божия, за пролитие неповинных крове сына преблагословеннаго. И тако тыя три часа лежаща ниц в домех своих, аки мертви, ничтоже могуце глаголати ни по́моци себе сотворити». (Гл. 19-я, лист 102-й.)

«После же Пилат ко Иудеом, и рече к ним: видесте ли вся бывшая; они же утешаху его, глаголюще; ничтоже несть, солнце бо по обычаю своему померче. Окаянный же диавол видев знамения, яже на кресте быша, солнцу омрачающуся, и земли трясущися, и по закону церковную раздираему, и камению распадающуся, и самого поругана; и тече ко Аду глаголя: горе мне окаянному, яко поруган бых, помози моему окаянству, затворима врата да не внидем семо, и утвердим заклепы железными, и всею силою станем противу ему, еже бы неприяти его. И тече Ад затвори врата, и заклепы железными затверди. Мняше бо окаянный диавол удержати во аде тамо сущих, но невозможе». (Гл. 19-я, л. 105 и 106-й.)

«Вземше же Иосиф с Никодимом и Иоанном Богословом пречистое тело Господа Бога и спаса нашего Иисуса Христа сына божия, и понесоша е ко гробу, и несоша тело Иисусово ничтоже поюще, токмо захлипающесе во слезах своих. И слышаша ангел множество, не видимо на воздухе вельми сладце трисвятую песнь воспевающих. Тогда же и Иосиф с Никодимом и со Иоанном Богословом такожде

начаша пети темже равно ангельским гла-
сом, сице возглашающе и умильно поюще:
святыи Боже, святыи крепкии, снятыи бес-
смертныи помилуй нас». (Гл. 22-я, лист 124-й.)

«Слышавше же беззаконнии Июдее, яко те-
ло Христово испроси Иосиф у Пилата и поло-
жи ё в новом своем гробе, искаху его и онех
дванадесять мужей, иже по Исусе пред Пила-
том с Никодимом глаголаху добрая дела Хри-
стово, и хотяху убити их. Тогда они вси благо-
образнии мужие скрышася страха ради ию-
дейскаго. Токмо Никодим пред ними явися,
зане князь бе первый во Иудеях, и глагола
им: почто паки внидосте в собор; они же ре-
коша к нему: ты почто вшел еси zde, яко уче-
ник Исусов еси, и в части Его да будеши во
оном веце. Никодим же рече им: аминь,
аминь, да будет тако по глаголу вашему. По
сем же Иосиф пришед к ним и рече: почто вы
оскорбистеся на мя, яко испросих у Пилата те-
ло Исусово, и погребох ё честно в новом своем
гробе, и камень велик возложих нань. Вы же
не добро соделасте на праведника сегó, или
како нераскаестеся: но последи и копием в
ребра прободосте егó. Сия словеса слышавше

пребеззаконнии Июдеи от Иосифа, яша его и хотяху затворити в темнице, глаголюще к нему: Иосифе, ведомо ти буди, яко заутра злая о тебе содеются. Днесъ бо не имаши умрети, понеже субота настойт, но последи злою смертью умреша, и плоть твоя зверем и птицам небеснымъ предана будет на снадение. Иосиф же рече к ним: сие слово есть гордаго Голиафа, иже поношаша на Бога жива. Бог же рече пророческими усты: мое отмщение, аз воздам. Ныне убо понтийский Пилат, не обрезанием телесным, но обрезанием сердца, прим воду, умы руце пред всеми вами, глаголя: чист есмь от крове праведника сего, вы узрите. И отвещасте вы и рекосте: кровь Его на нас и на чадех наших. И боюся, да не како наидет на вы гнев Божии и на чада ваша. Слышавше же Июдеи словеса сия и огорчишася душою, и емше Иосифа затвориша Его в темнице, и затвердиша, и стражи поставиша окрест темницы извне, и крепко запечатлеша, и совещаша убити его. И повелеша старейшины и священники жидовския, да заутра, в неделю, вси в сонмищи обрящутся, и разыдошася в дома своя». (Гл. 23-я, листы

«...Се бо уже умре, и погребен бысть (говорит Пилат Иудеям, требующим стражи), имате убо стражей своих и воины, яко же хотите блюдите Его, железы гроб Его обложите или печатъми печатлейте, да последи не рцете на мя: аще не бы възбранил Пилат нам, не быхом погубили мертвеца, якоже весте утвердите гроб. Аще ли кто от ученик Его приидет, ѓмше убийте его. И идоша архиереи и книжники жидовския и старейшины иудейския и воины ко гробу Христову, и утвердиша его железы, и знаменавше печатъми, и многия стражи поставиша стрещи, и отъидоша в дома своя. И небрежаху субботу по закону Моисеову, но зло творяше, пиюще и веселящесе, мняще беззаконнии жидове удержати заклепами железными творца всех и бога. И забыша день Господень в веселии своем и радости скверней». (Гл. 24-я, л. 132 и 133.)

«Скоро шедше (говорит ангел, отваливший камень от гроба), рцете учеником Его и Петрови, в рове плачущуся, отвержения своего от Христа, яко воскресе Христос от мертвых, и варяет вас в Галилеи, тако[10] Его узрите. Гос-

подъ же наш Исус Христос сниде во ад, дияво-
ла гоня. Силы же небесныя предтечаху пред
Господем, и се врата адова затвержени бяху
крепко. И возгласиша силы небесныя ко аду,
глаголяще крепко: возьмите врата вечная, и
внидет царь славы. Ад же яко не ведый из
внутри глаголаше: кто есть сей царь славы,
поведите ми; силы же небесныя глаголаху ко
аду: Господь крепок и силен, Господь силен в
брани. Отвещав же Ад глаголя: то аще тако
есть, то что ищите zde; почто остависте небе-
са и снидoste семо? И глаголаху силы небес-
ныя: понеже есть царь славы, и противника
гоняй, и сниде связати его, и да от тебе воины
исторгнет, и силы твоя испровержет. И рече
Ад ко диаволу; треглавниче и Вельзауле прео-
каянне, ратниче ангельск, посмешниче свя-
тым, немощне, пагубне, не рех ли ти аз, не
сварися с Ним, се ныне яко же прежде рекох
тебе предсташа ти. Что сотвори тако, окаянне,
почто послушался еси глагол моих; ныне при-
иде гоняи тя. Тебе ради и аз пленен бываю.
Изыди аще силен еси, срящи Его царя славы,
и борися с ним, а аз помощу тебе не могу.
Диавол же отвеча ко аду, и рече: помилуй мя,

аде брате мой, не отверзай ему врат, и держи крепко заклепы вратныя, дондеже паки вспять возвратится на небеса. Но подвигнися мене ради, аще и поруган будеши. Кто убо не поруган бываше от глагол Его лестных; оvoidа яко смерти боялся, глагола же: прискорбно ми есть душа моя о смерти. Иногда моляся со слезами Богу и Отцу своему глаголаше: Отче, аще возможно есть да мимо идет от мене чаша сия. Сия глаголы прельстиша мя. Он смиряя себе тако глаголаше, аз же окаянный мнех, яко смерти бояся печалует. Сиче ему глаголющу, и глас с небеси бысть, глаголя: грядите, и изыдите, и сотрясошася основания адская, и мертвии восташе и взыграшася, слышавше трепетный глас спасов, за спасение всего мира умершаго. Тогда ангели огнении с небесе снисшедше внедра адская, пред Спасителем вопияху глаголюще: возьмите врата вечная, и внидет царь славы. И блещахуся молнии в сокровищах адских. Убояся смерть, и вострепета ад, и испровержен бысть диавол. Бежаша беси в преисподнии тартар, и радость смертная в плач претворися. И рыдая диавол плачася глаголаше: увы мне окаянно-

му и немощному, что ми бысть внезапно; аз мнех, яко един есмь царь, и несть боле мене на земли иного царя. Силы же небесныя пребываху глаголюще: возьмите врата князи ваша, и возмѣтеся врата вечная, и внидет царь славы Исус Христос сын божии. Пророцы же и вси сущий во аде, слышавше о царе славы, радовахуся, Иоанн же святыи пророк и предтеча и креститель Господень глаголаше ко всем праведным пророком: не рех ли вам, яко скоро грядет царь славы Исус Христос сын божии, извести нас отсюда. И вси праведнии веляху ко аду глаголюще: отверзи врата вечная да внидет царь славы семо. Ад же не отверзаше врата, и крепляшеся твердо. И отвецав пророк Давыд и рече к праведным: „Надейтеся, егда бо бех на земли, и провидех бывающая, яко отверзутся ему врата вечная, и рех: сотрет врата медная, и вереи железныя сломиет, и силы адовы сотрет, и узы смертныя разрушит, жало диаволе притупит, и бесовскую крепость разрушит“. Возопиша же ангельския силы велиим гласом, глаголюще: да возмутся врата вечная. И потрясошася вся основания преисподняя, и падеся ад, не стерпе

ярости божия. И разрушишася вся заклепы, и врата падоша сами. И ад стоняше вельми трепеща. И диавол плача и рыдая зубы своими скрежеташе. Господь же Бог и владыка, царь славы Исус Христос сын Божии сниде во ад с силами небесными, и скончася писанное: где ти аде победы и сила; где ти смерти жало. Сретоша же Господа вси святии пророцы и праведницы, радуящися, поюще и хваляще Господа, и глаголюще: благословен грядый во имя господне, царь израилев, осанна в вышних Сыне божии. Тогда Господь наш Исус Христос Сын божии испроверг ада, и поим диавола, и сведе ѱ в преисподняя земли, во юдоль плачевную, и связа его узами железными и нерешимыми, и посла его во огонь неугасимый, и червь неусыпающий, идеже есть затворен и до последнего дне.[11] Поим же Господь вся праведники, и святыя отцы и пророки, и изведе их из ада, глаголя: возьмите врата радуящися. И исхождаху вси праведницы от туду. Пророк Давыд бия в гусли своя, веселящися, глаголя: приидите возрадуемся Господеви, воскликнем Богу спасителю нашему, яко боряся за нас, и победи диавола и связа ѱ, и

ада разруши и испроверже. И вси отвещаша прорицающе пророцы, аллилуия. И паки глаголаше Давид: вси языцы восплещите руками, воскликните Богу гласом радости. И други пророк глаголаше: возвеселитесь небеса, и да радуется земля, яко царь славы боряся за нас, и одоле. Сице радующеся вси святии и праведнии, и пророцы в рай течаху. Вшедше же, обретоша разбойника, и ужасошася. Глаголаху же разбойнику: кто тя ввел семо; кто ли тебе врата райския отверзе; что ли благо сотвори яко прежде нас вниде семо; едѣ и зде убити пришол еси, или украсти; что вшел еси семо прежде нас, рцы нам: кто тя ввел семо. Он же отвещав рече им: незаделомое внидох семо, не бех бо достоин и приблизитися зде. Но владыка человеколюбец милостивый введе мя зде в рай. Аз же ничтоже добра сотворих, паче же зла деях много. И осудиша мя жидове распяти с безсмертным царем Исус Христом Сыном божиим и хотяще мя убити, но живот вечный дароваша ми распенше мя с Господем. Видевже аз многогрешныи чюдеса велия и знамение крестное, и разумех яко Сын божии есть, и возопих гласом велиим:

помяни мя, Господи, егда приидеши во царствии своем. И абие приим Господь моление мое, и рече ми: Аминь глаголю тебе, днесь со мною будеши в раи: и аще возбранит ти пламенное оружие, покажи ему се крестное знамение, и отверзет врата райския. Егда же приидох семо, и видев мя пламенное оружие, хранящее вход, и затвори ми врата. Аз же показях ему владычное знамение крестное, и абие отверзе ми врата, и внидох семо. И вшедши ми в рай никогоже не обретох и ужасохся, и глаголах к себе, где есть Авраам и Исаак и Иаков, и прочее множество святых пророк и праведных. И ходящу ми и чюдящуся. И се явистася одесную страны восточныя два мужа стара деньми, и красна сединами, и дивна лицом, и пришедше ко мне вопрошаста мя глаголюще: кто ты еси; Авраам ли еси ты; но он образом священ бе. Моисей ли; он бо мудр и речию гугнив бяше, а твоя беседа явственна, и ты разбойник нам являешися, и образ твои разбойническ есть. Аз же има исповедах яко разбойник есть, но владыко Господь царь славы ввел мя есть в рай зде, понеже спутник ему бех до смерти, южа пострада заны. И во-

просих паки аз оных мужей, а вы кто еста; един же от них рече ми: аз есмь Илия Фезвѣтянин, иже колесницею огненною восхищен на небо. А сей со мною Енох, иже словом Божиим преложен зде. И еще есма смерти не вкусили. Пророцы же и праведнии вси сие слышавше от разбойника, и прославиша Бога, о дарованных сих даровании грешником. Яко Господь испроверг ада, и смертью своею смерть поправ, и древнюю клятву древом крестным разруши, и врата адова сокруши, и верей сломи, и диавола связав, и посла его в огонь негасимый, и червь неусыпающий, идеже затворену ему быти и до последнего дне, и мучитися со всеми силами его, во веки веком (sic), и мучению его не будет конца праведныя, же вся в рай введе и воскрес из мертвых. И начаша вси святии веселитися и радоватися и ликовати, воспевающе песнь Богу, и хвалу Господу нашему Иисусу Христу Сыну Божию, аллилуия аллилуия слава тебе боже, во веки веком, аминь. Другии же разбойник реста, иже при кресте Господни распят, и Бога творца своего похулив, умре: и приидоша нечестивыя демоны, и исторгши душу его

немилостивно, и занесоша ю в преисподнии тартар к заключенному сатане, и бысть ему первая жертва и радость, по воскресении Господни, на место изшедших из ада всех праведных в рай». (Гл. 25, л. 132–142.)

Между тем Иосиф по проискам иудейским был заключен в темницу, но «в первую убо субботу пасхи, сиречь в неделю, ураньше вси жидове собращася в сонмище свое и совещаша убити Иосифа, и повелеша привести его из темницы с безчестием, егда же стражие темничнии отверзоша двери темницы, и не обретоша Иосифа в темнице (который был оттуда восхищен провидением), двери же заключены, и печати целы, и ничим же вредимы быша. И возвестиша сие Архиереом и книжником жидовским. Они же слышавше вельми чюдишася, и ктому не смеяху возложить руки своя на прочих, глаголавших по Иусе пред Пилатом». (Гл. 26-я, лист 143.)

После того, как не нашли в гробе Христа, «рекоша жидове стражем: вы дары вземше от ученик его, и дасте им тело его. Воини же глаголаша: вы законопреступницы не ясте ему веры глаголюшу, яко пострадати имам, и в

третий день востати. Грядите и видите гроб его, и камень, и печати, свидетельствуйте. Слышахом бо яко Иосифа, иже погребе Христа, затвористе в темнице, и печатаете двери, и се не обретости его. Дадите вы Иосифа, а мы дадим вам Иисуса». (Гл. 26-я, лист 144 и 145.)

«По вознесении убо Господа нашего Иисуса Христа, Тиверию Кесарю, единоначальствующу на земли и обладающу восточными и западными странами, приидоша убо из Иерусалима сестры Лазаревы Марфа и Мария, и Мария Магдалыня (sic) в Рим к Тиверию Кесарю, со многими дарами, и падше поклонишася ему сице глаголюще: о державный и грозный Кесарю, мы убо от земли Мадиямския, приходом убо державе твоей поклонитися и возвестити страшное и великое дело Божие. Яко Бог родися от пречистыя девы Марии в Вифлееме Июдейстем». (Глава 26-я, л. 160-й и 161-й.)

«...Слышав же сие Кесарь, страхом велиим одержим быв, и тихим гласом рече к ним: о жены, во истинну ли тако глаголете; яко таковыи человек явился на земли, и может ли кто таковая чюдеса творити; они же рекоша: ей

истинну глаголем, и о том имама свидетели, иже видеша и слышаша, и аще не веруеши, то сам своим очима узриши. Тогда посла Кесарь во Иерусалим, да призовут бывших недужных и исцелевших от Христа, и Лазаря и Логгина сотника в Рим, свидетельства ради, да видит их веру имет. Егда же приведени быша, и внидоша к Кесарю в полату; тогда трус бысть велии, и потрясея полата Кесарева, и ужасея Кесарь с предстоящими. Тогда реша ему предстоящий: о державный и грозный Кесарю, еда сих ради людей тако сотворися чюдо сие, иже приидоша державе твоей поклонитися. Повели убо им изыти вон, да не сокрушится полатное здание, и повели коемуждо человеку по единому входитьи, да видим коего ради человека сие чюдо бысть. Тогда Кесарь по глаголу их повеле всем изыти из полаты, и изыдоша, и преста полата трестися. И паки повеле по единому входитьи, и абие начаша входитьи един по единому. Егда же вниде Логгин сотник паки в полату, тогда паки трус бысть велии, и поколебася полатное основание. Тогда Кесарь с предстоящими вельми убояшася, и не можаху на Логгина зрети.

И рече ему Кесарь тихим и смиренным гла-
сом: человекче, кто еси ты, и что есть дело
твое, повеждь нам, яко зрим тебе ради бывае-
мая, и вси хотим погибнути вскоре. Тогда от-
веща ему Логгин: о державный и грозный Ке-
сарю, не мене ради гибель сия бывает, но Хри-
ста ради распятого, понеже риза его святая на
мне есть, аз бо при распятии взях ю. Егда бо
воин прободе Исуса Христа в ребра копием,
тогда изыде кровь и вода, аз же тогда немо-
щен бех очима, и ощутив кровь Христову те-
кущую из тела его, и взял помазах очи свои и
бых здрав, и от того часа веровах в него, яко
истинный Бог есть. Тогда Кесарь повеле
Логгину скоро изыти из полаты, и сняти с се-
бе ризу Христову, и принести ю пред него.
Логгин же исшед и сня с себе ризу Христову и
принесе ю пред Кесаря. Тиверий же Кесарь
взем ризу Христову, и рече к Марфе и Марии:
сия риза Христова ли; они же рекоша: ей Хри-
стова есть. Он же целова ю. Имяше же Кесарь
на лице своем струп велик зело, и не могоша
того струпа никия же врачи исцелити. Тогда
Марфа и Мария рекоша: о державный и гроз-
ный Кесарю, послушай нас, аще хоцещи

здрав быти, то ризою сею святою отри лице свое и будеши здрав. Кесарь же сотвори тако по глаголу их, и отре лице свое ризою Христовою, и в том часе исполнися лице его гноя от струпа онаго, и спаде струп с лица его, и бысть здрав яко николиже болев. И возрадовася радостию велиею зело, и прослави Бога, и рече: Слава Тебе Христе Боже, яко сподобил мя еси слышати о пресвятем имени твоем. И отпусти всех с честью в дома своя». (Глава 29-я, л. 163–166.)

ГЛАВА XXX

«О ПОСЛАНИИ ПОНТИЙСКОГО ПИЛАТА К ТИВЕРИЮ КЕСАРЮ ИЗ ИЕРУСАЛИМА ЕПИСТОЛИИ В РИМ О РАСПЯТИИ ГОСПОДНИ»

«Слышав же Пилат хождение Марфы и Марии к Кесарю в Рим, и убояся зело, и хотя оправдитися написа епистолию к Кесарю, сице глаголя: державному и страшному Тиверию великому Кесарю, Понтийский Пилат раб твой, иже от восточных стран начальство имьи твоею властью и повелением; се пишу

твоему величеству, страхом велиим и трепетом многим одержим, о вещи бывшей во граде Иерусалиме». (Гл. 30-я, л. 166 и 166-й.)

«И виде аз крамолу их великую (продолжается донесение Пилата Кесарю), иже творяху на мя подвизающесе, и отдах Его (Христа) воли их. Они же взявши связаша Его, и биша немилостивно, и возведше его на лобное место, и тамо Его распяша. И абие в полудне солнце помрачися, и тъма бысть по всей земли, и луна в кровь преложися. Умершу же Иисусу на кресте, завеса церковная раздрася на двое, от верхняго края даже и до нижняго, и земля потрясеса, и камене распадеся, и разседеся земля, и пропасть явися даже до преисподних Ада,[12] и гроби отверзошася, и восташа нецыи от мертвых, ихже тии сами Июдеи именуют и нарицают праведники, патриарх Авраам и Исаак и Иаков, и инии мнози с ними, и явишася мнозем на долг час, и паки не видими быша: яко же свидетельствоваша многи от Июдей видевшии онех пророк и праведник, иже преставишася прежде трех тысяч лет и более. Сия же вся в вечер пятка позде быша, в субботу же в полунощи бысть

гром велии с небесе, яко николиже бысть таков, и свет явися светел паче солнца. И явися мужие зело велицы, одеяни пресветлыми одеждами, и зваху глаголюще: распныися Христос, востав восходит на небо, и вси праведницы, иже во аде порабощеннии, с ним. Оных же пресветлых лиц зовущих бяше число неисчетно. Всю же ночь ту неизреченный глас слышашеся, и в пропастьех земных, ихже тогда земля сотвори, и мнози от Июдей, иже тогда на Иуса совет сотвориша, под землю провалишася и погибоша. Сицевым чюдесем аз самовидец быв, и страхом велиим одержим, написах епистолию к твоему величеству, на уведение яже о Христе содеяшася. Доспевшу же писанию в Рим к Тиверию Кесарю, и тогда Кесарь повеле ю чести пред всем множеством князей и народа предстоящих, и вси удивившася и ужасошася. Ярости же исполнився Кесарь, повеле написати епистолию к Пилату, и посла воины привести Пилата в Рим».

[13] (Гл. 30, листы 168 и 169.)

Выписываю подлинником следующий псевдоисторический документ:

«Послание Тиверия Кесаря из Рима во

Иерусалим к Пилату.

От державнаго и грознаго Тиверия Кесаря Понтийскому Пилату.

Ведомо ти буде, понеже ты не праведно и не повинно смерть навел на Иуса Назарянина, и предал еси Его злонравным и скверным Иудеом на смерть крестную, и не пострадал еси Его ради, но и распята повелел еси мзды ради. Ему же воин некий текши наполни губу оцта и желчи[14] и принесе ко устом, ты же возбранил еси ему, и за сие приведен будеши zde, яко да слово воздаси ми о Христе, Его же неповинно предал еси на смерть. Слышах бо аз о твоей неправде и безумии от неких жен Марфы и Марии сестр Лазаревых, и Марии Магдалыни, яко Иус тобою осужденный многа чудеса сотворил есть: слепым даде зрети, хромым повеле ходити, и мертвых воскресаше, и всякия болезни словом едином исцеляше. Как убо смел еси предати Его не повинна суща? Но и от лстиваго твоего писания, принесеннаго ко мне, мню яко ты осудил еси Его не праведно на смерть и предал беззаконным жидом».

«Приведену же бывшу Пилату в Рим, слы-

шав Кесарь, яко приспе Пилат, и абие вниде Кесарь в полату, и седе на престоле своем, и вси князи окрест его сташа, и повеле привести Пилата и поставити его пред собою. И рече к нему Кесарь: о злочестиве Пилате, како смел тако сотворити, праведна и неповинна мужа на смерть крестную предал, видев знамения и чудеса велия о мужи оном. Пилат же рече: о державный и грозный Кесарю, аз неповинен есмь сему делу, но начинателие повинницы суть Иудейский род. Кесарь же рече, которые суть; глагола ему Пилат: Архилла и Филипп, Анна и Каиафа и весь род Иудейский. И рече Кесарь: то почто совету их последовал еси окаянне; Пилат же рече: о державный и грозный Кесарю, неистовей есмь род Еврейский, не повинуется державе твоей. Рече же Кесарь: егда приведоша Его к тебе, ты же чесо ради не сохранил еси Его от убивства смертнаго, и послати Его ко мне жива суща не повелел еси; но послушал еси оных жидов, и распяти такова праведна мужа повелел еси, иже велия знамения сотворил есмь, яже ты сам писал еси ко мне о Нем. Паче же и титлу написал еси на кресте: Исус назарянин царь

Июдейский. Егда же Кесарю имя Христово изрекшу, абие стоящия Кесаревы Бози златыя и сребрянныя и вси идоли внезапу падошася и погибоша аки прах. Кесарь же со предстоящими людьми ужасеся и вострепета, видя внезапу богов своих пагубу, изречения ради имени Исусова. И страх и трепет нападе на всех князей, и на всех людей, и тако отъидоша в дома своя чюдящеся бывшему. Повеле же Кесарь твердо блюсти Пилата. Во утрии же день седе Кесарь на престоле, и повеле привести Пилата пред всеми людьми и князи, и вопроши его, глаголя: о злочестиве Пилате, глаголи истинну, како сотворил еси над Исусом и кто убо бысть распныйся; мы бо токмо имя Его помянухом и боги наша погубихом. Пилат же рече: елика убо писах Твоему величеству: истинно писах, яко вси бози наши, ихже ве-мы, несть ему точен и един от них. Кесарь же рече: да почто тако смел еси сотворити о Нем, не убоялися моя державы, но паче зло совещал еси о моем царстве, его же боится вся земля и вселенная. Пилат же рече: беззаконнии и непокорливии Иудеи сотвориша сице. Кесарь же исполнився ярости посла во Иеру-

салим и повеле взяти вся старейшины жидовския, Археллу нечестиваго Иродова сына, и друга его Филиппа, и Архиереев Анну и Каиафу, и привести в Рим. Егда же приведени быша и предсташа Кесарю, вопросы их Кесарь глаголя: почто убо неправедно осудисте и смерти предаете праведнаго мужа, сотворшаго вам толика дивная и преславная чюдеса. Отвещаша же ему Архиереи и книжницы жидовстии:

„О державный и грозный кесарю, послушай нас раб своих: закон убо наш не судит убити человека. Но аще кто сам ся творит царем, той смертию да умрет. Мы убы обретохом человека сего разоряюща закон наш и царем себе именующа, того ради емше Его и приведохом к Понтийскому Пилату, он же испытав Его обрете повинна и предаде на распятие. Тогда кесарь рече к Пилату: не аз ли тя послах во Иерусалим и повелех ти право судити, ты же возложил еси руки своя на спасителя Христа, и неповинно пролия кровь Его, и за сие сам да приимеши смерть, со всеми советники твоими, от них же мзду приял еси“».

«Пилат же нача молити кесаря, глаголя:

господине державный кесарю, повели мне дати велие мучение, да отпустятся греси мои, понеже зле аз окаянный сотворих праведному тому Исусу. Кесарь же повеле тако сотворити, и мучиша Его различными муками. Пилат же моляшеся ко Господу глаголя: помилуй мя Христе царю, сыне Бога[15] живаго, и творче всесилие. Согреших аз пред тобою, предав Тя на распятие неповинна суца. И се глас бысть с небесе к нему глаголя: радуйся Пилате, яко мене ради страсть сию приемлещи, вниди убо во обитель Отца моего, се бо отверзошася тебе врата райския, и ангельское воинство стретает тя, держаще венец. И по многих муках мечник отсече главу Пилатову. Ангел же Господень сшед с небесе, и взял главу его, и паки взыде с нею на небо. Сие же чудовидев кесарь, вельми удивися и погребе тело его с великою честью.[16] Анну же и Каиафина тестя повеле в кожу воловую обшити и повесити противу солнца, да тако умрет. И сотвориша тако по глаголу его, и вся внутренняя его изыде из него, и тако умре. Видевша же сие архиерей Каиафа и книжники, и реша в себе друг ко другу: бежим от лица кесарева,

да не погубит и нас, и бежаша до некоего места и скрышася в раселинах земных. Свитающу же дню и се множество вой идуще к кесарю, и творяще на пути ловление зверей, и обретоша тех мужей, и познаша их яко от иудейския страны, и избиша их, и пришедше возвестиша кесарю. Кесарь же сие слышав и угодно бысть ему. Каиафа же скрыся в некоей пещере хотя избыти смерти. По смотрению же Божию Тиверий кесарь изыде на лов зверей, и виде еленя вельми красна, и бежа за ним хотя убити ѹ, и стрелив стрелою по елени, и абие она стрела вниде в пещеру ону, и устрели Каиафу в сердце, и тако скончася Каиафа. Искаху стрелы кесаревы везде и не обретоша ю. И шедше в пещеру, обретоша стрелу ону в сердцы Каиафине и Каиафу мертва лежаща, и возвестиша сие кесарю. Он же слышав и вельми удивися, и прослави бога творящаго дивная чюдеса. Посем прогнеवासя кесарь на вся безбожнныя Июдея и повеле написати писание Лукиану, обладающему восточными странами, сице глаголя: великий кесарь, всея вселенныя обладатель, князю Лукиану, первовластнику восточныя земли, радо-

ватися. В настоящее сие время бывшее дерзновение от живущих во Иерусалиме и в прочих градах Иудейских и беззаконное оных действо, иже сотвориша, познах, яко Бога[17] некоего, глаголемаго Исуса, с Пилатом распяша. Сия согрешения их великая виде, солнце и померче, и земля разседеся, и весь мир погиб бы, аще не бы Он своим повелением укрепил. Тем же ты повелением моим множество воин собери, и шед с силою расплени и поработи весь еврейский род, и постави их на порабощение во всех языках, и умали и смири всю землю Иудейскую порабощением, да не явится на земли их от рода своего ни царства, ни княжения».[18] (Гл. 31-я, листы 170—176-й.)

Закрываю этими выписками мое первое письмо о житье с людьми древлего благочестия. Во втором письме я перейду к усердно распространяемым в новой павловской секте сочинениям и сборникам эмигрировавшего из отечества инока Павла. Расскажу, что знаю, о его замечательной личности и пройду его проповедь об отношении человека к женщине, к семье, к власти и вообще ко многим вопросам, занимающим сызранского доморо-

ценного философа, устроивающего нынче в Прусской Померании русские скиты, типографии и школы. Далее же, пойдём далее, и что далее пойдём в этот древлий лес, то, как водится, увидим там больше дров. А может быть, встретим и поделочный материал. Будем писать обо всем, что привелось видеть, «ни что же сумняся, а токмо правды шукаючи», как говорит в своей редкой книге Захарий Копыстенский.

(Второе письмо к редактору «Библиотеки» для чтения»)[19]

ИНОК ПАВЕЛ И ЕГО КНИГИ

«От наблюдения малой вещи сопровождаются самомнители к разрушению уставов естества и разорению человеческих прав и погубляют чрез то слабые и необразованные души».

«Сборник о браках»

Из книг, изданных до сих пор в Пруссии Иноком Павлом, достойны особенного замечания «Царский путь» и «Сборник сочинений о браках». Обе эти книги суть компиляции, составленные по источникам, давно известным каждому знакомому с древнею церковнославянской литературою. Хронологической даты и имени компиляторов ни на той, ни на другой книге не обозначено, но достоверно известно, что книга «Царский путь» составлена в Пруссии самим Павлом, написавшим в ней и много собственных рассуждений

и замечаний; а «Сборник о браках» — в Москве, поморцем Андреяном Сергеевичем*** еще в 1809 году. «Царский путь» издан первым тиснением в конце 1860 или в начале 1861 года, а «Сборник о браках» (направленный Андреяном Сергеевичем против бракоборов) оставался без издания с 1809 года по 1862 год и был известен Москве только по весьма редким спискам. Один из таких списков, несомненно, сделался собственностью Павла назад тому 17–20 лет, когда Павел еще, будучи простым «рабом» и федосеевцем, жил в Москве на Преображенском кладбище.

«Сборник» Андреяна Сергеевича, надо полагать, имел огромное влияние на развитие инока Павла. В нынешнем направлении прусского отшельника можно шаг за шагом, не теряя непрерывной нити, следить влияние поморского взгляда Андреяна Сергеевича. Несмотря на то что «Сборник» Андреяна Сергеевича издан Павлом год спустя после «Царского пути», ясно, что «Царский путь» составлялся Павлом в то время, когда «Сборник» был им уже пересмотрен, исправлен и лежал совсем готовым к печати. Смотри на обе эти

книги строго критическим взглядом и делая из них известные сопоставления и посылки, нельзя не видеть, что весь «Царский путь» есть работа, предпринятая Павлом единственно для того, чтобы чтением этой книги расположить умы читателей к принятию убеждений, проповедуемых сборником, который Павел уже имел в виду выпустить через год после «Царского пути».

Несмотря на то что в «Царском пути» нет ничего об отношениях мужчины к женщине и ни одной главы не посвящено вопросу о браках, мне будет очень легко показать, как необходимо чтение «Царского пути» для успеха «Сборника о браках». Прошу только читателей, не знакомых с расколом, припомнить, что федосеевцы живут без браков, в простой любовной связи, потому что «рука освященная рассыпалась и антихрист уже царствует в мире нечувственне» (то есть невидимо, невестественно). А как и любовные связи у них происходят под сурдинкой (любовница называется «посестрием»), связь с нею скрывается, и не только дети, являющиеся последствием этой связи, часто бросаются на произвол судь-

бы, но и само «посестрие», насытив алчную чувственность своего побратима, весьма нередко безнаказанно оставляется им под самым ничтожным предлогом. Вместо ее поступает новое «посестрие», более молодое, более аппетитное, а бывшая подруга или одна, или еще с «блудно прижитым младенцем» идет в бесприютность. Федосеевцу нужно много твердости воли и свободы духа, чтобы взять к себе в дом свою подругу и детей, которых они вместе прижили, да и то дети иногда до совершеннолетия называют мать «тетенькой». Естественно, что федосеевские женщины, находящиеся целую жизнь в таком эмансипированном положении, в котором уж нет оснований жаловаться на стеснение, чинимое обязательными отношениями, целый век дрожмя дрожат за свой завтрашний день. Они не смеют назвать детьми своих детей, не смеют даже указать виновника рождения этих детей, чтобы его не отлучили от молитвы, и страшно завидуют положению женщин, живущих в браке. Будет ли это православный брак, скрепляемый церковью, или сводный брак, признаваемый обществом единоверцев, —

для них все равно, лишь бы жить в браке, то есть в постоянном, крепком сожителстве с своими детьми и их отцом. Мужчины смолода охотно меняют женщин, а иногда, сжившись с доброй хорошей подругой, тоже начинают сильно симпатизировать возможности открыто жить с нею. Но федосеевщина допускает только «блуд», а не брак, какого бы то ни было вида, опять потому, что «брака честного не может быть без священства, а священство исчезло, и никогда не возобновится, ибо антихрист уже невидимо царствует».

Павлу издавна был ненавистен федосеевский разврат. Родясь в раскольничьей семье, он с раннего детства почувствовал неестественное положение всех членов федосеевской семьи. Рассказывают, что Павел был ребенком очень нервным, нежным и впечатлительным. Детские и материнские слезы, которых он так много видел, глубоко западали в его молодое сердце и оставляли в нем огненные следы. Молодым мальчиком Павел уже не мог выносить всей тягости давившего его безобразия. Он стал стремиться разрешить себе мучительные вопросы: почему это все так?

Так ли это непременно должно быть и не может ли быть иначе? Общественное положение любознательного мальчика было довольно выгодное. Он рос в достатке и рано был обучен грамоте и всему составляющему общий курс раскольничьего образования. Жил он тогда в Сызрани с матерью и братьями, из которых один ныне весьма известный купец в этом городе. Обучась чему было можно дома, Павел еще молодым юношею ушел в лесистую сторону северо-восточного края и жил там где-то в уединенной хатке с каким-то пустынником, постоянно занимаясь чтением древних книг. Потом, когда ему было лет около семнадцати, он на короткое время появился домой, но не ужился в Сызрани и после самого короткого там пребывания ушел в Москву и поселился на федосеевском Преображенском кладбище. Здесь так же, как в лесной пустыне, Павел опять взялся за чтение древних книг, выбор которых тут уже был гораздо многообразнее. Проведя на Преображенском кладбище более десяти лет, Павел сделался большим начетчиком и мало-помалу стал позволять себе выражать некоторые со-

мнения насчет чистоты федосеевского учения о браке. Сомнения Павла разделяли с ним несколько человек из московских федосеевцев, но, боясь общественного гонения, никто из них открыто в этом не признавался. Павел видел, что здесь общественный гнет слишком тяжело лежит на умах. Он решил, что в Москве ему делать нечего, и пошел «обходить страны».

Побродив по Литве, Польше и северным русским губерниям, он нащупал места, показавшиеся ему удобными для пропаганды своих воззрений на брак, и затем появился в Петербурге. Здесь тоже нашлось несколько федосеевцев, которые убедились словами Павла, что иметь подругу и воспитывать детей вовсе не постыдно и не грешно. Так завязались у Павла первые связи с людьми, при посредстве которых он надеялся повести свое дело. Женщины все, кто только слышал о Павле, чттили его всей душой и жарко молились за него, как за своего заступника.

Москва, узнав, что Павел не только не откинул своих «самомнений», но даже и находит сочувствие, начала распускать про него

недобрые слухи. Сначала заговорили, что молодой инок есть великий сластолюбец, что у него у самого постоянные связи с женщинами; потом, когда этот слух о Павле, жившем самым строгим образом, не имел желанного успеха, распустили молву, что он хочет жениться и сделаться православным попом. Этому тоже не везде верили, но все-таки молва эта сильно повредила Павлу. Оправдываться же и защищаться он не имел никаких средств.

В то же время, как, с одной стороны, Преображенское кладбище, огласив его еретиком, всячески ему вредило, Х. в Пскове, М. в Петербурге и несколько человек по Литве и Польше, убедясь во лжи первого слуха, близко наблюдали Павла. Несмотря на то что многие считали Павла готовым изменить древнему благочестию, люди эти подарили молодого инока полнейшим доверием. Это доверие очень немногих людей было все, с чем Павел поднял свое учение, стоящее поперек горла Преображенскому кладбищу и всей федосеевщине.

Он видел, что для успеха пропаганды

прежде всяких других средств нужны книги, составленные в известном духе. В России таких книг ему напечатать было невозможно. Поэтому он с самыми ничтожными средствами отправился в Пруссию, добыл себе право на кусочек земельки, поставил избу и вернулся в Россию. Здесь, посетив приятелей, он собрал свои книги, рукописи, кое-какой житейский хлам и уехал опять в свою хату, уже с одним товарищем. Дома он работал всякую работу, неумоимо трудясь в то же время над составлением «Царского пути» и пересмотром «Сборника о браках». «Сборник» этот нужно было во многих местах очистить от неудобных в печати полемических выходов Андрея Сергеевича, который, в пылу негодования на федосеевский образ жизни с переменными женщинами, ругался иногда весьма крупно и вообще уснащал свою речь выражениями совершенно неуместного и даже, по соображениям Павла, вредного задора.

Между тем около Павла сгруппировались несколько человек, и они поставили другую избу; Павел съездил опять в Россию, обзавелся церковнославянским шрифтом, приобрел

несколько реалов, типографский станок и начал учить наборщиков и печатников. Дело шло не быстрыми шагами. Неприспособленные люди, при весьма небольшой грамотности, при отсутствии и учителей и хороших пособий, учились не скоро. Но энергичная натура Павла крепко боролась со всеми препятствиями. Пока импровизированные типографщики заскоружеными руками, только что отставшими от сохи, приучались ловить в кассах реала подобающую буквицу, Павел был неутомимым метромпажем, а в те часы, которые другие употребляли для отдохновения, обрабатывал свой «Царский путь».

Имея в своих руках «Сборник сочинений о браках», составленный в 1809 году поморцем Андреяном Сергеевичем, Павел не нуждался в собирании каких бы то ни было новых доказательств в опровержение федосеевских учителей. Хорошо знакомый с духом людей той части древнего благочестия, которая блуд с переменными женщинами ставит без сравнения выше любви к постоянной подруге и матери своих детей, он знал, что никакие философствования, никакие увещания от лица но-

вого человека не могут иметь на них должного влияния и будут приняты как «еретические самомнения», а из древних писателей, уже отошедших от мира сего, Андреян Сергеевич собрал решительно все. Стало быть, оставалось очистить его «Сборник» от излишней пряности, напечатать да позаботиться распространить его в России между федосеевщиной — и только.

Но Павел знал также, что совершенно бесполезно пустить этот «Сборник», не предположив ему сочинения, способного в известной мере подорвать верования федосеевщины в известные положения Алексея Комнина и других писателей, на основании которых самая идея брака без участия священника решительно отвергается. Для поморцев, верующих, что антихрист давно невидимо царствует, но все-таки при этом принимающих законность брака, или сожительства с благословением родителей и отца духовного, сборника совершенно довольно; но для федосеевцев, чтобы довести их до отвращения к перемене женщин и до предпочтения семейного сожительства с одной подругой, этого очень мало.

В видах инока Павла им надо было доказать: 1) «что брак и без священнического венчания есть по естеству своему брак»; 2) что «девство есть вольный дар Богу, а не обязательство»; 3) что мнения Алексея Комнина и некоторых других писателей, как бы они ни были почтенны, ниже учения евангельского и законов естества, и наконец 4) что русских государей, с Петра I, нет основания признавать антихристами, и что антихрист еще не пришел, а придет, и придет образно, в настоящем своем виде, и что даже в последние дни, с пришествием Илии и Еноха, явится опять «настоящее священство».

Все это нужно было доказать, чтобы подорвать принципы федосеевщины. Но с другой стороны у Павла стояло поморство, которому он симпатизировал всей душой и которое удивительным образом никогда не умело ни оценить его симпатий, ни понять его необыкновенно трудного положения между двумя огнями. В то же время, как озлобленные федосеевцы объявили Павла вероотступником и несли на него всякую небылицу, брачные поморцы также считали его еретиком за то, что

он отрицает якобы продолжающееся уже царствование антихриста и, толкуя апокалипсис буквально, учит ждать врага Христова «чувственно» (то есть образно), а при этом еще ничего не говорит о необходимости богомоления «за царя и за вся, яже во власти суть». Они по непонятной темноте не хотели понять, что Павел не мог бы иметь никакого успеха у федосеевцев, ежели бы он стал им резко противоречить решительно во всем или, что то же самое, — выставил бы себя просто поморцем. Никто из них не вспомнил все прежде бывшие неудачные попытки своих наставников разубедить федосеевщину и преклонить ее к постоянному семейному сожителству. Никому в голову не пришло, что если Павел не докажет, что антихриста еще нет на земле, то федосеевцы, которых он наклоняет к семейной жизни, не примут этой жизни, ибо по их понятиям царствование антихриста исключает всякую мысль о семье. Никто не понял, что если бы Павел, уча федосеевцев принять законность семейного начала, сказал слово о богомолении за власть, то он бы дискредитировался до последней степе-

ни и навсегда должен бы отказаться от своей работы. Даже видя, что Павел в основу своей работы кладет труды их же рьянейшего поморца Андреяна Сергеевича, поморяне были так близоруки, что не видали простого плана Павла, который, начав «Царским путем», ввел поморскую идею брака «по благословению» и наконец закончил «помянною молитвою за царя и за вся, яже во власти суть».

Дорог ли и люб ли кому успех Павла, — это не мое дело, но несомненно, что если бы Павел не был нравственнее клеветущей на него федосеевщины и дальновиднее до глупости нетерпимой и до гадости торопливой на осуждения поморщины, то идея о законности сожительства со своими детьми и их матерью не проникала бы в федосеевщину так, как она проникает нынче единственными усилиями Павла. Павел бы споткнулся и разбил себе лоб на первых же шагах, и о его лбе зарыдали бы материнские груди и потекли бы детские, сиротские слезы. Может быть, мои строки попадутся кому-нибудь из людей, верующих, что при ковылинском устройстве общины ни для материнских, ни для детских

слез не было бы причины, и эти люди найдут, что Павел повредил идее безбрачия и коммунизма, а потому я считаю долгом успокоить таких людей, что коммунизма у нынешних федосеевцев нет и следа, каждый крепко держится за свой собственный карман; раскольничьи сироты с детства учатся мошенничеству, а брошенные молоденькие бабочки гуляют около бань Цветного бульвара. К тому же Павел вовсе не знает никаких новых социальных теорий и, видя горе-беду и упадок нравов, просто взялся помогать им, как умел додуматься своими сырыми русскими мозгами. Стало быть, он ни перед чем не виноват.

Для знакомства с учением Павла делаю выдержки из «Царского пути». Они не утомят читателя и дадут ему достаточное знакомство с новым, смелым учителем.

Если мой читатель, пробегая эти выдержки, не забудет, в каком положении стоит Павел, лавируя между Сциллой и Харибдой, то ему легко будет отделить лавировку от прямого рейса, который держит автор, и еще легче убедиться в том, заслуживает ли Павел упреков, взводимых на него близоруким по-

морством.

КНИГА «ЦАРСКИЙ ПУТЬ»

Книга «Царский путь» разделяется на две части. Первая часть, составляющая собственно Царский путь, занимает 340 страниц in octavo, а вторая, составляющая как бы дополнение к первой, — 92 страницы. В этой части заключаются повествования об Илие, Енохе и об антихристе.

В Царском пути Павел более или менее искусными компиляциями из разных других книг старается доказать следующие положения:

Глава I.

Раздел 1. «Яко евангелие вечно есть, а не на время дано есть, и всякаго чуждаго Господня гласа всегда отбегати подобает и не достоин преданий ради человеческих отметати заповедь божию».

Раздел 3. «Яко евангельское учение есть общее всем, или муж есть, жена, или отроча, и тако требуется ведети оное, паче нежели солнечное зрение и воздуха дыхание и по земли хождение, и всякому потребна суть и никто

же возбраняя». (Это очень не нравится старикам и духовным отцам, как федосеевским, так и поморским, по мнению которых евангелие не может быть домашнею книгою, а должно быть читаемо только при служении. Миршащим же вовсе и прикасаться к этой книге во многих местах вовсе запрещают.)

Разд. 4. «Яко противу господняго гласа аще бы и глаголали нецыи отцы святии, но несть сопротивостоятелен».

Разд. 5. «Яко вина всем есть злым не ведети писаний».

Разд. 6. «Яко вси святии седмь вселенския соборы сошедшеся, не новое что проповедаша: но во утверждение евангельския правды беша и ту евангельскую правду запечатлеша, то бо есть царский путь, с него же несть уклонитися ни на десно, ни на шуе».

Разд. 7. «Яко се царский путь есть еже шествовати по евангелию и не уклонятися от него ни на десно, ни на шуе».

Разд. 8. «Ересь каяжде есть неразсудна, подобна кораблю единодревну».

Разд. 9. «Яко подобает нам испытывати божественныя писания, да не навыкнем что от

преданий человеческих». (Здесь видят прямой намек на бракоборов, особенно федосеевцев.)

Разд. 10. «Яко божественная писания именуются евангельския и апостольския и пророческия книги; божественных же отец писания именуются отеческия предания».

Дополн.: «Яко св. писания толковати от божественных отец сказания, а не по своему смышлению и яже приемлют возводне (иносказательно, аллегорически), тая возводне разумети, а яже простым разумом, тая просте разумети». (Спор об антихристе — будет ли он чувственный или невидимый.)

Разд. 14. «Яко подобает уподоблятися Богу по добродетелям, а не по власти божественной и ведети свою меру, — в положенных заповедях трудолюбне трудитися, а не иным законы полагати».

Гл. II.

Разд. 2. «Яко того ради евангелия написани суть, понеже ереси хотяху прозябнути и растлити правы наши: благоизволи Бог написанным быти евангелиям от сих научаеми истине не развратимся лжею еретическою».

Разд. 3... «не по писанию верующии вси еретицы».

Разд. 7. ... «иже (пастырь) глаголет евангельская, сей дух свят имать, и еже не евангельская, но от себя глаголет, сей есть ложный пророк».

Разд. 8... «и в дом таковых не приимати» (не пребывающих в учении евангельском).

Разд. 10. «Яко неверующаго писанию достоин отвращаться, яко от беснующагося и изумленнаго».

Разд. 11. «Писания приводят в познание правды».

Разд. 14. «Яко нецыи отцы по недоумению, а не по распре некая здравому учению реша несогласная и не бяше тогда кто наставил их, и сего ради мужи онии святые приемляются, учение же их, еже что по недоумению реша несогласная с евангелием, несть нужда тако мудрствовати».

На это положение Павла особенно нападают федосеевцы и поморцы, находя, что он сам замудрствовался и этим положением опровергает боговдохновенность книг, писанных отцами церкви. О том же, как принимать

встречаемые в этих книгах противоречия, рассуждать отказываются, утверждая просто, что «все написанное до патриарха Никона отцами восточной церкви верно, хотя бы в этих писаниях были и противоречия». Понять, как это строится в головах людей древнего благочестия, невозможно.

Разд. 15. «Яко в гонимыя времена за нужду гонений быша недосмотрения». Это простится, но «впредь же тако действующия осудишася».

Гл. III. Разд. 3. «Яко ведущим писания подобает глаголемая от учителей искушати». (Это общее мнение о всех учителях, как о молитвенных, так и о школьных «мастерах» и «мастерицах».)

Разд. 4. «Яко иже аще некоторые святыя отцы по забвению нечто противное евангелию и реша, хотящии же то е их мнение утвердити, тии, яко же Хам отчеругатель, ругаются отцам, непокрывая наготы отческия». (Помнится, то же самое говорилось у г. Аскоченского в «Домашней беседе» по поводу мыслей, высказанных насчет «Домостроя».)

Гл. IV.

Разд. 2. «Не от писаний вред происходит, но от нашего неискусства».

Разд. 5. «Еже ради великия заповеди малейшую заповедь отражаяй, сей праве разсуждает».

Разд. 7. «Яко правый путь веры и жития не от содержания старых и долголетних обычаев или знаменитых мест (намек на великую в расколе страну поморскую) подобает разсуждать и познавать, но от божественнаго писания».

Разд. 8 (в дополнении). «Яко не точию яже кроме божественных писаний, но и яже выше естества вещей глаголемая не суть достоверна».

Гл. V.

Разд. 2. «Яко аще кто и не вся заповеди сохранит, но аще и едину и то не избежит мучения», если «истинным покаянием не испросит прощения». (Этим Павел значительно снимает с себя упрек в евангеличестве или в лютеранстве, которыми его также нередко попрекают.)

Гл. VI.

Разд. 1. «Яко Павла апостола глаголы само-

го господа нашего Иисуса Христа суть глаголы: сего ради подобает их почитати». (Поморцы, ловя на этом инока Павла, говорят: «Правда, это правда, — ну так пусть же и он с нами поет тропарь за царя!» Федосеевцы же тоже говорят: «Правда, за власть молиться можно, если бы она была верная, а теперь эти слова ни к чему».)

Разд. 4. «Яко в тех вещах и делех обычаю подобает последовати, о которых несть писано в законе».

Кроме того в первой части Царского пути помещены главизны святого Иустина Философа: «како подобает казнити лукаво, а не благочестно жительствующих христиан». Како подобает поклоняться честному кресту и «яко подобает поклоняться святому евангелию не хартии, ниже чернилу, ниже коже, ниже дске, но повеети еже во плоти христова смотраения».

Во второй части прежде всего выборка из писаний «о Енохе и Илии», «иже послани будут от Бога у людям, яко да не приемлют прелести антихриста». Потом об антихристе и наконец рассуждение о «молении за невер-

НЫХ», «яко достоит творити моления за вся человеки, за царей и за всех яже во власти суть (аще и невернии или еретицы), ибо сие добро и приятно пред господом нашим Богом».

О Енохе и Илии инок Павел повторяет всем известные предсказания насчет их пришествия перед появлением антихриста, напирая на обращение ими евреев в христианскую веру прежде пришествия антихристового и таким образом устраняя мысль, что последние времена уже начались. Антихриста же ожидает явнообразного, выводя, что он «не к нам, но к жидам приидет и от них прият будет, нас же будет гнати и сядет в церкви божией, не в нашей, но в жидовской». Не разбирая совершенно толкования, что антихрист уже невидимо действует, уже Павел свидетельствуется Иоанном Дамаскиным, что «всяк убо не исповедуяй сына божия и Бога в плоть пришедше и суца Бога совершенна и человека совершенна, — антихрист есть. Обаче свойственно-образно и изрядно антихрист, глаголется в скончании века грядый».

Выписки о пришествии антихриста, сде-

ланные Павлом, небезынтересны, но не для всех и даже не для многих, а потому я их оставляю. Довольно знать, что Павел ждет явнообразного пришествия антихриста и, следовательно, противоречит и поморцам, и фэдосеевцам, и филипповцам, и многим другим, решившим себе, что антихрист царствует или «нечувственно» в духе века, или даже в образе русских государей после-петровской эпохи.

Таким образом, резюмируя «Царский путь» и его «дополнение», мы видим, что Павел стремится распространить знание евангелия; ставит эту книгу выше всех позднейших творений; допускает в древних писателях способность погрешать и ошибаться; не оуждает их за это, но не ставит обязательным держаться сказанного, «по недоумению», потому только, что это сказано человеком доброй жизни; возбуждает охоту к изучению писания и отстаивает прямой смысл апокалипсиса, доказывая, что антихриста нет еще и он не придет, пока в мире не совершится известных событий, которых тоже до сих пор еще не было. Во всех этих положениях Павел тверд,

смел и определителен.

Павел начинает шататься и становится сбивчивым и непоследовательным, когда дело касается до вопроса о том, сообразно ли критическое отношение к священному писанию и творениям св. отец духу этого писания и этих творений? Он отвергает несомненность авторитета некоторых творений и тут же боится «самоmnения» и обрекает за них строгому раскольничьему осуждению, перед которым — как он сам должен бы знать — «не оправдится всяк живой».

Наконец в статье «о богомолении за неверных» (то есть, главным образом, «за царя русскаго и за вся яже во власти суть») Павел пишет более сдержанно и нерешительно. Он главным образом танцует около одного приводимого им места из предисловия к книге Кирилла Иерусалимского. Вот это место: «Обаче и сия изъявим, божию человеколюбию подражающее, яко солнце свое осиявает на праведныя и на не праведныя; тако и дождь дождит на злыя и благия. Сице и нам божественная писания повелевают молитися, о еликах же и еретиках, паче же вразех, да и тии

в разум истинный приидут и в веру обратятся». Все какие-то общие места, которых смело му и честному человеку, каким кажется инок Павел, держаться непристойно. Так, так так, а не так, так и не так! А то вся энергия, вся определенность речи в пятки ушла, и староверческий проповедник пошел танцевать на канате, — да на каком канате-то! На канате, в конце которого была привязана давно обдуманная и давно им составленная «помянная молитва за царя, князи, боляры и вся яже во власти суть»! Это не похоже вовсе на все, что писал Павел.

Но как бы то ни было, Павел выпустил свой «Царский путь», его апостолы распространяли эту книжку, и федосеевский раскол во всех пределах Литвы, Польши, северо-западного края Руси, Москвы и Ярославля читал ее. По Литве, Польше и в Петербурге книга эта имеет свой успех, вводя на первый раз сомнения в ответственности многих вещей глаголов расколоучителей и даже вообще некоторых древних писателей основаниям учения евангельского.

Побуждения, которыми Павел руковод-

ствовался при издании «Царского пути», он выясняет следующим образом.

«Понеже многих видех в сии времена, не на святом писании утверждающихся и свое писание полагающих: но ови убо утверждение своего упования полагают от великих мест (снова кивание на поморцев, гордящихся именованием своей секты „по страны“, то есть по стране): ови же от долговременнаго обычая, друзии же от множества единогогласных, а мало таковых зрех иже надежду спасения своего и основание своя веры полагающих на словесах Господа нашего Иисуса Христа и божественных его апостолов — сия зрях и сжалихся зело». «Печаль прият мя». «И паки помянух пророка глаглюще: видех неразумяющая и стоях и сего ради от жалости сердечныя убедих соживущую со мною братию, еже кто чел, еже все свое упование спасения полагати во святом писании: „И поведаю всякому, яко се есть Царский путь“».

Как ни тонко лавирует Павел, а в этих словах он высказался весьма ясно. Возбуждая в расколе безусловное почтение к евангельскому учению, он, разумеется, отодвинул и еще

более отодвигает своих последователей от подчиненности авторитетам, из которых «кийждо своя ереси нововымышляя» попирал то одно, то другое право личности, вовсе не в интересах, давно не существующих, прежней, широкой общинности, а часто в интересах «вымышленные ереси».

«Царский путь», распространяясь далеко по федосеевскому расколу, сделал свое дело, и «Сборник о браках», изданный после него через год, упал уже на готовую почву, разрыхленную Павлом посредством «Царского пути».

Как ни ясен план этих изданий, но большинство последователей Павла его не понимали и за сборник брались только любопытства ради.

Павел начинает эту книжечку очень скромным предисловием: «Мнози мужие, — пишет он „от издателей“, — в нынешния времена бывшия прежде нас, ведущий божественное писание, писаша о тайне брака, яко в неприсутствии иерея, по нужде может и без священнослова брак совершиться и есть тайною и тайною святою, от Бога установлен-

ною, Христом утвержденною, ибо от человека тайна не уставляется (катехизис, гл. 33), их же писания мало где преписана обретаются и могут погубитися. О чем и сожалехом и елико обретохом потщахомся для пользы многих типографским художествам оныя издати, и да незабвенна бует оных мужей ревность и труды, имиже о правде боряхуся от блуда».

«А понеже их писания много и пространна бяху, а мы немощны, все вполне напечатати не могохом:[20] но малая некая из оных, еже токмо мнехом нужнейшая быти избрахом, а иная за безсилie и за тожде подобствия оставихом: в сочинениях же смысл сочинителей весь цел соблюдохом, токмо некая укоризненная словеса оставихом, — да не ко свару, рече, будут. Рабу бо божию не подобает сваритися, но в кротости наказывати». — «И тако сию книгу Сборник сочинений о браках часть первую напечатахом, — ревнующе и тщащеся браком, а блуду и тому последующим безчиниям входы затворити». — «Блуда ради кождо свою жену имать. Девство же, яко вольный дар Богу увещевающе не по нужде (как у федосеевцев, по неимению священства), но от

усердия Богу приносить и не порочно соблюдать» («за веником», значит, уж не ходить к оставленной сожительнице, как у рижан).

В «Сборнике» сгруппированы сочинения, доказывающие необходимость брака; разговоры приемлющего браки старовера с старовером, не приемлющим браков; извлечения из книги Павла Любопытного; извлечение из книги «Двоположника», «что брак в Христовой церкви может производиться кроме священства», рассуждение о тайне супружества, «содержащее истинное доказательство, что брак в нужде и без священнословия может состояться»; о молитвах по рождении младенца; о послужении женам во время родов; извлечение из «Кормчей» о брацах не написанных и о том, что подобает наследити неимущим жен, и толкование, что значат слова «имущий жены, яко же неимущии будут».

Резюмируя все, составляющее павловский сборник, мы можем так формулировать апробованное им мнение о браке.

Жизнь с переменными женщинами и оставление своей подруги и детей, с нею прижитых, греховно. Самый принцип, во имя ко-

того такая жизнь оправдывается, — безнравствен и ложен в своем основании, «противясь словесам евангельским». Брак есть тайна, «но вещь сея тайны есть муж и жена, совокупитися изволящии». — «Вещество убо сожителства есть мужа и жены ко друг другу изволение». — «Сие и есть материя брака, что и всегдашний опыт доказывает: когда есть жених и невеста и взаимное их согласие к составлению супружества, то из того всегда и во всех брак производится». — «Форма брака сие есть образ или совершение ея суть словеса совокупающихся, изволения их внутреннее, перед иереем». — Когда бы от священника проистекало браку совершенство, то бы в Кормчей было сказано: «Браку совершенство получать от иерея, а не пред иереем». — «Действеник брака первее сам Господь Бог, а посем сами брачащиеся». — «Посем брачащиеся сами сию тайну действуют. Аки сам кто продается, сам есть вещь и купец: сиче и в сей тайне сами себе продаются и предаются оба себе купно в сию честную работу». (Катехизис малый, старопечатный, лист 68.) — «Или и сие кого не уверит, что достояние брака быва-

ет от тех, иже входят в то достояние, а входят в оное жених и невеста, а не иной аще кто». — Союз брачный должен быть «точию не потаенне». — Обеты (по Гавриилу Филadelphийскому) должны быть сказаны «предобретающимися». — Союз этот необходим и установлен «во умножение рода человеческого и в воспитание чад; в неразрешимый (sic) союз любви, дружества и взаимную помощь и во еже огребатися греха блудодеяния». Люди, утверждающие (то есть федосеевцы), «что бытие законного брака прекратилось и прекратится прежде кончины мира», лгут. Если же будут идти от своих положений последовательно, «то должны доказать, что умножение людей и соблюдение рода человеческого Бог отменил; рождать запретил; воспитывать чад отказал; законным чадородием составлять исполнение церковное отрешил; признавать брак предохранительным средством от любодейнаго осквернения оставил; жену помощницею мужу не числит». Вообще Павел все ведет к тому, что «да отец будеши, а не прелюбодей».

Сборник представляет очень много инте-

ресного, особенно в компиляции известных библейских случаев, где брак происходил только естественным образом, как, например, у Товии с Сарой. «И далее, продолжая путь, ангел Рафаил, сопутник за Товиею, сватал невесту Товию, девицу Сару, и уверял о ней, что девица красна и умна и тебе должно взять ея себе в жену и в сию ночь она дана будет тебе в жену».

Вообще во взгляде на брак Павел преимущественно высказывается несколько материалистом и, давая большое значение правам «материи» и «естества», разумеется, резко противоречит древним раскольничьим принципам, зато попадает в тон позднейшим стремлениям молодого федосеевства, начинающего гнушаться развратом и бессильного жить девственно. Но он не пренебрегает и историческими аргументациями, ссылаясь на древних христианских князей, которые, окрестя народ свой, не разрушали браков, заключенных в язычестве, ибо брак уже был совершен (например, св. князь Владимир). «Прежде новой заповеди Комнина российский великий князь Владимир получил православную

веру от Греции, но браки в России уже у всех совершались», Кормчая повелевает браки иноверных и неверных принимать в своей силе и дополнять их ни в чем не предписывает. — «А священнословие иерейское, установленное в Греции, не брак, но моление о благополучии брачащихся». — «Венцы же полагаются во образовании победы, яко непобедими быша от сласти и тако приходят к ложу». — И идя все путем таких доказательств, против отвергающей брак федосеевщины, Павел наконец заставляет их с скрежетом зубовым читать, что тайну брака сотворил Господь Бог, а венчание изобретено властью гражданскою. «Тайна брака устроена прежде Адамова в рай введения, где Адам и Ева были в естестве ангельском, нетленном, а венчание установлено в закон в Цареграде греческаго государства в народе тленном». «Да и в той Греции до XII века церковь Христова навсегда производила без священническаго венчания со одним согласием сопрягающихся лиц и благословением их родителей». Все учение о браках, склоняющее человека «да отец будещи, а не прелюбодей», потом сформулирова-

но в четырех крупно напечатанных строках:

а) «Материя брака есть сами брачащиеся».

б) «Форма есть вечный их обет».

в) «Действователь того есть бог и сами брачащиеся».

г) «Конец его есть исполнение отпадшаго члена».

Конечно, учение это, противное духу учения бракоборов, не соответствует и учению господствующей церкви, но во всяком случае его нельзя не поставить далеко выше толкований федосеевских и жизнь по этому учению уже ни в каком случае не федосеевский разврат.

После доказательств естественного существования брака у людей всех вер в «Сборнике» есть резкие обвинения против федосеевского верования, что «несогреша, непокаешься», верования, делающего грех как бы необходимостью. В «Сборнике» сказано, что «покаяние установлено для пресечения грехов, а не для того, чтобы человек надеялся на покаяние и, надеясь на милосердие божие, грешил сколько похочется. Если же кто, намереваясь грешить, прежде, нежели согрешит, предже-

дает в мысли, то хотя он и согрешит, однако через покаяние получит прощение: то такое размышление двойственне содержит в себе грех, в рассуждении Бога и в рассуждении человека». Это место до крайности раздражает федосеевских толковников, обязывающих своих единоверцев к девству, но разрешающих плотский грех пастырским прощением и заботящихся не о том, «да отец будеши, а не прелюбодей», но о том, «да свободно будем женам всходить на ложе мужское». «Сборник» тоже не проповедует затруднения этого «восхождения на ложе», в нем даже прямо говорится словами апостола Павла (к Коринфянам послание 1-е): «сие невозбранно есть с женою», и далее: «не лишайте себя друг друга, точию по согласию, зане велия от воздержания сего раждаются злая, ибо прелюбодеяния и блуды, и домовом превращения отсюда многажды быша». — «За что же отлучаете живущих с женщиною? — спрашивают издатели Сборника. — Аще за совокупление, то сие с женою невозбранно (а что такое жена по понятиям издателей — это уж изъяснено выше); аще за рождение, то куда же употребить зача-

тое?»

Блудящие федосеевцы находят, что и самое рождение младенца, хотя и обоюдная вина блудивших, есть скверна, и некоторые из них, особенно «ревностные», считают недостойным своей чистоты помочь женщине, когда та расправляется с этою скверною. Ревностный не только сам не идет на помощь к родильнице, боясь при сем случае оскверниться, но и сколько-нибудь близкую ему и, следовательно, некоторым образом зависимую от него женщину также не пустит «послужить рождающей». Это ужасно возмущает брачных поморцев, и Павел в главе «о послужении женам во время рождения младенца» передразнивает блудящих людей древлего благочестия и пишет об этом следующее:

«Тии, аще увидят каковую жену на послужение к рождающей идти хотящую, призывают к себе и ласкательными и грозными словесы увещавающе глаголят (здесь находится изображение руки с указывающим вперед перстом): — Не твое есть дело, не твое ходити к рождающим женам. Не твое есть дело служити им в таковых случаях; как оне хошут,

так да творят. Довольно тебе смотрети себя, ибо ныне несть иерея нам согласного, то кто может тебя очистить от скверны молитвословием? Того ради престань от таковых дел (то есть от стремления послужить родильнице), престань, да не будет тебе за преслушание наказания».

«Сия и сим подобная, — продолжается в Сборнике, — тако обретословцы сии глаголюще, многих жен от послужения рождающим воспрещают. Тии же, яко суще малосмыслении, внемлюще тех наставников словесем льстивым, оставляют требующия помощи беспомощными» («Сборник сочинений о браках», стр. 214).

Этот жестокий обычай доходит в некоторых случаях до неопisanного бесчеловечия. Лет шесть тому назад я служил в одной торговой компании, имевшей дела по всему Поволжью от Астрахани до Рыбинска и далее по Мариинской и Тихвинской системам до Петербурга. Три года я провел в непрерывных разъездах по делам моих доверителей, беспрестанно сталкиваясь с различными людьми, между которыми было очень много

староверов. Один раз, именно лет шесть или семь назад, я выехал из Москвы в Пензу с двумя попутчиками: саратовским купцом и одною молоденькою провинциальною актрисою. Дело было зимой, так после Николы, а уж были ухабцы. Ехали мы в рогожном возке, купленном нами сообща в Москве. По моим делам и делам купца нам выпадало ехать по рязанскому тракту, а актрисе было все равно, она с нами не спорила. Мы и поехали на Рязань, на вольных. Едем ночью, мороз сухой, ночь светлая, дорога натертая, — славно. А уж, я говорю, местами были ухабцы и таки раскатисто становилось. В одном таком-то местечке возок наш со всего разбега бух в ухаб, а оттуда прямо в раскат, да полозом о мерзлый гребень раската, — так двух копыльев как и не было. Неприятное дело! Дотащил нас ямщик до первой деревни и стой: чиниться нужно. Деревня была раскольничья: жили в ней федосеевцы. Деревенька так не очень большая, и дворов постоянных в ней всего один был, потому что упряжка тут по расстоянию выходила как-то неловкая: оттуда близко, и отсюда недалеко; извозчик все и минует.

Остановились мы на квартире: комната теплая, но с угарцем, однако ничего. Я с купцом пошел рядиться в кузницу и с плотником, а попутчица наша стала хлопотать о чае. На дворе был час четвертый утра, и деревня уж встала. Люди древлего благочестия, видя нашу беду неминуемую, содрали с нас за копылья и рванку цену христианскую: шесть целковых заломили и на том стали; но обещались к вечеру отпустить в лучшем виде. Дали мы шесть целковых за рублевую работу и начали выгружать возок, который нужно было опрокинуть, чтобы вдолбить копылья, а тем временем и чай поспел у актрисы. Уселись мы и благодушествуем, а за дощатой перегородкой комнаты кто-то все: ох да ох. Голос слышно женский.

— Чтой-то у вас больная, что ль? — спрашиваю бабу, пришедшую за самоваром.

— Больная, батюшка.

— Что ей?

— Господи ее знает.

— Зашиблась что ли?

— Н... нет, — так должно не по себе.

Ну, не по себе и не по себе.

Улеглись мы на диванчиках спать со скуки. А больная все ох да ох. Уснули, или по крайней мере я уснул и даже крепко уснул.

Вдруг слышу стоны раздирающие. Как заведет баба одно оййй, так и конца этому ой не дожидаться. Вскочил я, смотрю, а актриса наша надо мной стоит и трясет меня за плечо. «Встаньте, — говорит, — слышите, какое терзание!»

— Что это? — спрашиваю.

— Не знаю, — это уж с час идет, и все хуже и хуже.

— Что ж такое? умирает она?

— Мне кажется, она в муках, родит она, кажется.

— Ну что ж, — говорю, — делать, тут ничем не поможешь.

— Да чего, — говорит, — не поможешь, она ведь одна там мучится.

— Как одна?

— Одна. Я не спала, не могла заснуть, я все слушала: никого возле нет.

Я сейчас бабу, что самовар приносила.

— Кто у вас тут? — спрашиваю ее.

— То-то, — говорит, — я говорила, не пу-

цайте заезжих, не пущайте, баба совсем рассыпалась, как можно! а нет-таки по-своему, — пустили: вот тебе и дело.

— Какое дело?

— Да ишь, ни вам упокою, ни ей.

— Да она с кем у вас там рожает-то?

— С кем же ей рожать? Одна рожает.

— Отчего же вы бабки не позовете?

— Да бабка-то есть тут одна, да далече, послали за ней с час места будет, да вряд застанут, много у нее повою по округе.

— А ближе нет другой!

— Нетути, — у нас на деревне нетути: наши этим не занимаются.

— Так вы хоть семейских кого послали бы к ней. — А роженица за перегородкой так и воет.

Баба подперлась рукой, задумалась и пошла к двери.

Купца нашего не было; он пошел в кузню. Мы с попутчицей сели и, слушая невыносимые стоны одинокой роженицы, рассказывали друг другу разные, известные нам случаи беспомощности больного сельского люда. Так прошло опять с полчаса. Роженица стала

вскрикивать еще страшнее, да так, что уж вскрикнет, но на половине звука как-то голос у нее оборвется и замрет, и только по трескучему скрипу кровати слышно, как она дергается, закусив зубы, в жестоких муках.

Не выдержал я, пошел в избу. В избе только одна та же самая баба печку загребают.

— Что же, — говорю, — никто не идет к роженице?

Баба взглянула на меня и, продолжая загребать жар, проговорила: «Да кому идти-то, молодец?»

— Бабы где ж?

— Да нетути баб.

— Совсем в семье и баб нет?

— Нетути.

— Ну сама иди.

— Я боюсь.

— Ну соседку попроси какую-нибудь.

— Гм!

— Что?

— Так тебе и пойдет суседка-то! держи, малый, шире.

— С чего не пойдет?

— А не пойдет, да и сказ весь.

— Где же сожитель-то ее?

— Со двора уехал.

Вернулся я в горницу и рассказал все актрисе. Барыня моя вскипела.

— Ах, Господи! — говорит. — Да я пойду, попросите ее, чтоб меня пустила к ней, я не боюсь.

Я опять пошел в избу и говорю, что вот наша барынька хочет помочь.

— Она бабит, что ль?

— Бабить, — говорю, — не бабит, а все лучше как одной мучиться.

— Это что говорить, знамо, что лучше; все же живой человек.

— Ну то-то, — проводи-ка ее.

— Сичас, сичас.

Баба сняла с запечка маленький ключик и пошла впереди меня.

— Это она у вас заперта?

— Заперла я ее, родимый, чтоб собака как не вскочила к ней.

Актриса пошла к роженице, а баба так минут через пять вышла ко мне.

— Это барынька-то жена тебе, что ли, будет? — пытается.

— Жена, — говорю.

Пауза. Баба стала стирать фартуком стол, на котором остались крошки мерзлой московской сайки от нашего чаю.

— Давно женат-то ты?

— Два года.

— Ребятенки небось есть?

— Нету.

— Что ж так плохо стараетесь?

— Некогда, — говорю.

— В разъездах, что ль, все?

— Да.

— Ну, парень, на это время немного надо.

— Это, — говорю, — ты справедливо рассуждаешь. А ты вот скажи-ка, что вы за свиньи такие.

— Чем так свиньи?

— Да вот бабу-то мучите и никто пальцем не ворохнет. Ведь у вас есть бабы в доме. Я двое красен видел, — ты же за двумя станами не сидишь. Где баба другая?

— Это ее красна.

— И пряжа ее?

— Милый человек! что ты знаешь? Ничего ты, милый человек, не знаешь, — проговори-

ла, вздохнув, баба.

— Точно, — отвечаю ей, — ничего я, миленькая тетинька, не знаю.

— В нашем-то звании все, миленький, вот так-то: молода да легка, так все «поди сюда», а затяжелела, так и милу дружку надоела.

— Вы по-древнему, что ль?

— Да по-древнему ж, по-древнему.

— Не венчаетесь?

— Нет, у нас этого нет, — у нас так.

— Федосеевцы?

— Как говоришь?

— Федосеевцы вы? — повторяю вопрос.

— Нет, мы как есть по-настоящему, по-самому по-древнему.

Бабы, да и мужики редко когда знают, какого толка держится их сословие. «По-древнему», да и все тут.

— Плохо ж, — говорю, — вам по вашему званию-то достается.

— И не говори!

Баба и рукой махнула.

— У нас, я тебе скажу, — начала она, садясь возле меня на диванчике, — мужик баловник, козел мужик, похотник. Он тебе бабу ни-

когда не сожалеет. Никогда он ее не сожалеет. Редкий, редкий такой найдется, что своим детям родительницу почитит, как следует, а то вот так-то боли, мучься ребеночком-то (баба указала рукою за перегородку, из-за которой продолжались стоны и утешающие больную слова бесовской лицедейки), — мучься ими, — продолжала баба, — а ни воскормить ты свою детку, как следует, у себя не смей, ни дитем его не зови. Наша жисть, милый, бабья беда, в нашем в звании... Мужик, что ему? Одна плоха, другую найдет. Нашей сестры-то ведь довольно.

— А бабы-то семейские, — тихонько спрашиваю, — куда поразбегались?

— Кто куда глянул, — шепотом и с таинственной миной отвечала раскольница и потом, вздохнув, добавила: — Ты, парень, за это баб наших не ругай. Баба бы иная и вот всей тебе душенькой. Вот хошь ба и я — нешь мне хорошо видеть, что вон чужая, да и та жалится по ней. Нешь бы какая, разве змея, не хлопоталася, а то ну кто ба бросил свою сестру в такой муке-то, что может иная еще и на себя дождется? Никто ба не бросил. Милый

ты человек! никто ба не бросил свою сестру, — все с большим и большим чувством искреннего сострадания говорила баба. — Сердце-то мое, может, тоже туда рвется, — она опять указала на перегородку, — да закон, закон у нас такой. А в своем законе всякий человек должен быть верен. Должен он сердце свое всегда воздерживать — блюсти себя должен в своей вере.

— Какая, — говорю, — вера тут, чтобы людям помочь нельзя!

— Что ты! что ты! Господи Иисусе Христе! Как какая вера?

— Это, — говорю, — дурак тебе какой-то наговорил.

Баба плюнула.

— Осатанел ты, молодец, право! Что это ты говоришь на святую веру христианскую? Ведь и сам ты небось какой ни на есть, да крещен, чай.

— Я не на христианскую, а на ту, что вот велит от больной бабы из двора бежать.

— А ты лучше вот что, — баба внушительно ударила меня рукою по колену, — ты старых людей послушай, что старые люди гово-

рят. Они, миленький, больше нашего с тобой знают-то; жисть-то они ведут не нашу, что ни ступил, то согрешил. У нас теперь, я тебе скажу, есть духовник, старый, древний человек, отец Сигней. Далеко таки он живет, под сокрытием, знаешь, от псов-то от борзых, а только часто к нам наезжает. Так вот его послушай. Он все это тебе может рассказать. Ты вот говоришь, что хворых баб бросаем. Мы хворых не бросаем, а это скверна-то, скверна-то рожденная, так ее омыть нечем. В старину, как имели мы священство, не бросали, а теперь священства негде взять, — на небе оно, священство-то наше: венчать некому и молитвою от скверны рожденной очистить некому. Вот почему, голубь сизый, и обегаем скверны-то этой и не прикасаемся к бабе-то, пока она в скверне. На все, милый, свой закон есть: старики тоже не с ветру уставляли.

— Врет, — говорю, — ваш Сигней, я федосеевщины, вашего-то согласия много видал, а нигде этого не слыхивал.

— Везде так, везде. Ты и не спорь. Скрозь так по селам. Точно, не хочу спорить, может быть, и есть такие, что не блюдутся, где на-

ставник плох, или новшества тоже зашли, ну а у нас ни Боже мой! У нас насчет этого стро-го.

— Да кто ж у вас бабит-то? — спрашиваю. — Церковные, что ль?

— Больше церковные, а то есть тоже и из наших, только уж такие бабы, совсем, значит, отдельные, потому хорошая баба, у которой свой притул где-нибудь есть, на это дело не пойдет.

— С чего ж не пойдет?

— Ну зазорно, — сам ты посуди, ни есть с тобой никто не станет, ни к молитве тоже опять не допускают. Посуди сам, хорошо это бабе-то этой?

— Кто ж у вас тут бабка, за которой посла-ли-то?

— Есть такая.

— Молодая?

— Молодая баба.

— Из ваших?

— Наша, таки притоманная наша.

— Как же она пошла бабить?

— А так, грех на нее такой был, ну и плохо ей пришлось, она и согласилась бабить.

— Гулящая, что ль, очень была?

— Нет, — что гулящая! Рази мало гулящих. Нет, другой был грех, — что тебе до этого, — только пошла.

— Что ж это такое?

Баба долго насмотрела на меня и рассмеялась:

— С кожелупом она связалась — вот что. Девка была бедная, из себя независтная, и никто к ней не мазался — она и ну с кожелупом жить.

— С кожелупом?

— Да. С горя-то, с нужды-то с нечистым и с тем свяжешься. Тьфу!

Баба плюнула и перекрестилась большим крестом.

— И живут теперь?

— И живут парочка, и никто их за стол не сажает, и не молится с ними, лапоть к лаптю пришелся. Он падаль дерет, а она бабит, ну, значит, и чешись конь с конем, а свинья с углом. Так-то, милый ты мой человек.

В обед родился новый сын древлего благочестия и был омыт и повит еретицею, странствующею лицедейкою, богомерзкими

плясаниями потешающею немилосердного антихриста и его слуг, от них же первые есть мы, вы да я, мой снисходительный читатель.

Гостомельские хутора, на которых я родился и вырос, со всех сторон окружены большими раскольничьими селениями. Тут есть и поповщина и беспоповщина разных согласий и даже две деревни христовщины (Большая Колчева и Малая Колчева), из которых лет около двенадцати, по распоряжению тогдашнего правительства, производились бесчисленные выселения на Кавказ и в Закавказье. Это ужасное время имело сильное влияние на мою душу, тогда еще очень молодую и очень впечатлительную. Я полюбил раскольников, что называется, всем сердцем и сочувствовал им безгранично. С этого времени началось мое сближение с людьми древнего благочестия, не прерывавшееся во все последующие годы и особенно возобновившееся в последнее время, когда начались о расколе различные толки. Этими толками я старался поверить мои личные впечатления и уяснить себе моим личным знакомством с расколом эти толки. Но мне этого не удалось, и я, не стра-

дая слабостью отрицания, решаюсь отрицать довольно распространившееся мнение, что в последние годы мы много подвинулись в изучении раскола. В изучении истории раскола, в изучении его литературы, — это так. Один г. Щапов в этом отношении принес заслуги огромные, хотя, к сожалению, он и не отличается особенно беспристрастностью.

У него очень много своих известных симпатий, симпатий весьма благородных, достойных его честной личности, но все-таки не совсем удобных для исторического труда, требующего беспристрастия не менее, чем трудолюбия и знаний.

Без спокойного беспристрастия трудно работать на историческом поприще, не рискуя ввести читателей в заблуждение и ошибки, весьма обильные различными последствиями. Но живого раскола, его духа, его современного быта, его стремлений, нравов, и главное нравов, — мы вовсе не знаем. Мельниковский «Гриша» — это безобразие, безобразие в отношении художественном и урод по отношению к правде. Гриша никак не может назваться хорошим, то есть верным очер-

ком раскольничьего мира, а другие мимолетные лица этого мира, очерчиваемые так мимолетно то тем, то другим из наших беллетристов, касаются только тех сторон жизни людей древнего благочестия, где они приходят в соприкосновение с миром никонианским, миром, все-таки как-то живущим. А собственно верного очерка внутренней жизни раскола я не знаю.

Остроумные люди, имеющие приятную привычку доказывать, что мнения, не отвечающие их симпатиям, прежде всего неверны, потому что выведены из частных случаев, которых хотя и нельзя отрицать, но от которых все-таки нельзя делать посылок к общему, могут мне весьма едко заметить, что болтовня бабы навела меня на целый ряд весьма обобщенных выводов. Это действительно так и будет. Я давно не вспоминал об этом случае. Тогда сгоряча я поверял рассказ бабы респираторами во многих местах: выходило, что баба не врёт. Но и из двух-трех подтверждений я не делал общего вывода о распространенности жестокого обычая, тем более, что жестокость эта далеко не везде одинакова. Но когда я

встретил упреки в этой жестокости в пяти полемических рукописных сочинениях, неудобных даже для цитирования, то я вполне стал сочувствовать горячему слову Павла, ставящему наших фарисеев древлего благочестия ниже египетского язычника Фараона. Честно, да честно это слово «Сборника» о браках.

«Ожесточенный на люди еврейския, Фараон, когда восхотел истребити их, тогда призвак к себе две бабы еврейския, единой имя Сенфора, а имя второй Фуа. И рече им: егда бабите евреянынь и суть к рождению аще убо мужеский пол будет, убивайте его, аще же женский, снабдите его». Бабы хотя и услышали таковое царское повеление, однако делать так не согласились. Царь призвал их и спросил: что же сотвористе вещь сию, и оживляете мужеский пол; ответствовали ему бабы: жены египтяныни рождает при бабех, а евреяныни рождает прежде вшествия к ним баб и за сие что их было, объявляется: «Благо же творяше Бог бабам».

«Но Фараон повелел убивати младенцев токмо мужеска пола; женский же снабдевати. Нынешние же нелюбители младенческаго

рождения обоюга пола младенцев не брегут и матерей не щадят и баб, служащих при рождении, от общемоления и купно ядения МТ дней отлучают».

Когда это печатает Павел, злостный раскольник, ехпатриé,[21] анафема московский, анафема вилькомирский и опять ехпатриé, то... ну да уж можно, кажется, поверить, что «жестокые, сударь, нравы в нашем городе».

Теперь еще два слова о том, как издатель «Сборника» отбивается от лжетолкования федосеевского, что настало время девства, время, в которое даже «имуций жены, яко не имуций будут».

«Можно же (сказано в „Сборнике“) и жену имеющему в таковое привести себе любомудрие. Ибо реченное прежде сего, не лишайте себе друг друга, о едином смешении точию сказано есть, в сем бо друг другу последовати повелеваем и на которое не оставляет самовластным быти, но и где потребно иного обучитися любомудрия во одеянии, в пище и во всем прочем, един другому не подлежит уже. Но возможно есть мужем аще и жена не восхоцет отсеци сладострастие всякое и окру-

жающее попечений множество и жене пока такожде никакой нет нужды, аще не восхощет украшати и тщеславитися и об излишних пешися. Ибо похотение оное естественное некое есть, и не властен есть и сего ради позволительно есть, и не властен есть лишати другаго не хотящего. Похотение же сладострастия, излишняго почитания тщетнаго не от естества происходит, но от праздности и великия гордости раждается. Сего ради и не обсуждает и в сих тако повиноватися друг другу сочетавшихся яко же и во оных».

Вот и все учение, проводимое Павлом и его учениками. Кому оно как покажется — это опять-таки не мое дело. *De gustibus non est disputandum.*[22] В читающем обществе очень недавно выражалось большое сочувствие свободе федосеевских брачных отношений, свободе, о которой это же самое общество, мимоходом сказать, имело самое туманное понятие. Свобода брачных отношений слишком заманчива, чтобы ей не сочувствовать, особенно в таком положении, в каком с этим вопросом бьется наша русская семья, и потому стремления Павла ввести брак у безбрачных,

да еще брак неразрешимый, не может встретить одобрения у самых свободно мыслящих людей нашего общества. Им непременно покажется, что Павел на белой доске старые каракули выводить хочет, что вместо отношений свободных и горячо желаемых человечеством, запутавшимся в своих тенетах, он называет ненавистные, обязательные отношения, да еще и неразрешимые.

Это иначе не может быть.

Я не поручусь за искренность Павла, когда он рассказывает об ожидании чувственнообразного антихриста. Это ему просто нужно было, чтобы нарубить на груди федосеевщины рубчик, в который он намеревался клин загнать. В богомолении за власти он просто дипломатничает. Зная, что федосеевское немоление за царя вовсе не оппозиция ни трону, ни властям, а просто старая традиция, не имеющая нынче никакого политического содержания, как умный мужик, Павел решил так: коли вы сами считаете себя верноподданными царя русского и вредить его престолу никакого намерения не имеете, то что ж вам мешаает за него молиться «да тихое и безмолв-

ное житие проживем»? Сначала он это говорил выхилясами да выкрутасами, а потом ввел чтение помянной молитвы, о которой я скажу несколько ниже. По религиозным своим взглядам Павел гораздо более поморец, чем всякий другой русский сектант, но поморец, так сказать, с евангелическим оттенком и к тому же отчасти материалист и поклонник критического метода в исследовании писаний. Но в вопросе о браках Павел просто светлый русский человек, знающий последствия федосеевского разврата не из либеральных книжек, писавшихся в то время, когда думали, что каждый федосеевский раскольник, особенно раскольник ковылинской общины, чуть-чуть не маленький Фурье, что он тяготеет собственностью и готов стремительно бежать в общую казарму, сложить в общую сокровищницу все награбленное плутовствами его отошедших от мира сего родителей и сдать в фаланстерию приبلудных ребятенюк, наказав учить их происхождению вещей по Бюхнеру, Фейербаху и Молешотту. Павел знал, что ничего этого нет, и что человеку, имеющему своею задачею достигнуть по мере

сил возможно большего счастья возможно большего числа людей, нечем дорожить в федосеевщине. Я не знаю, действительно ли Павел сторонник того «неразрешимого» брака, о каком говорится в «Сборнике» и от какого в некоей стране христианской люди давно покрехтывают да локотки кусают. Может быть, он только не хотел в этом случае противоречить Андреяну Сергеевичу, пользующемуся у москвичей известным авторитетом; а может быть, и на его взгляд, должно быть так, а не иначе. Что ж, и то может быть! Павел ведь все-таки хоть личность и свободная, хоть и довольно смелый мыслитель, а все же человек простой, понимающий вещи грубо и односторонне. В таком щекотливом, нежном вопросе, как брак, он бессилён рассмотреть предмет со всех сторон и, как всякий малообразованный и малоразвитой, но честный и впечатлительный человек, видя зло, рвется помочь ему, ударяясь в противоположности, нередко попадая при этом из огня в полымя.

Ну, а если Павел таким образом, ударившись от современного федосеевского разврата хотя бы и к весьма свободному, но все-таки

к неразрешимому браку, внесет более горя, чем счастья? Если последователи его, открыто признав господство семейного начала, станут им после тяготиться и de facto[23] снова начнется разврат, охуждаемый в принципе? Словом, если большинство послушавших его раскольников, вместо того чтобы увидеть себя в положении более счастливом, почувствуют на себе только еще одни лишние путы, с которыми рано или поздно им придется биться?

Не думаю, чтобы здесь имели место эти опасения.

Более гадкого положения женщин и детей, чем положение их в раскольничьих общинах, считающих блуд выше прочной связи, быть не может, пока раскольники наши то, что они есть в наше время. Это доказывается: 1) нравственностью раскольничьих женщин; 2) несоответственным множеством сирот, развращаемых на все художества с самого раннего детства; 3) слезами, слезами и слезами, в которых тонут федосеевские бабы, таща за собою блудных детей или бросая их выбиваться как сами сумеют, и 4) равнодушие отцов и со-

жителей, глядящих на этот поток в слезах и разврате с невозмутимым спокойствием чревобесника и чревоугодника.

«Можно сделать, говорят, чтобы и слез не было, и можно, чтобы брачный вопрос у бракоборов оставался по-старому».

Говорят, что можно, но я за это ручаться не хочу и поручусь только за одно, поручусь моею головою и всем, что мне дорого, что это невозможно с раскольниками, пока они раскольники. Говорят, в них есть задатки чего-то: социалистического, коммунистического, и что они вообще удобны для переработки Руси на иной лад. — Да. Но худший, на реставрацию во вкусе Ивана Грозного, — очень удобны.

— Раскольники, говорят, носят начала; они могут развиться.

— В чью меру, господа? В вашу, так сами тогда перестанут быть раскольниками; а в свою, так тоже из них будет что теперь отродилось.

И что за возмутительная недобросовестность обманывать себя, обманывать других, льстить людям, ясно сознавая, что им льстить

не за что, и все из-за чего же? Из-за того, чтобы показать, что вот у нас есть народ, готовый к социально-демократической революции, тогда как это совершенно неправда. Говорят, раскол — сила. Пожалуй, но ведь «сила — ума могила». А еще верно и то, что раскол вовсе не сила, а толпа. Сила общественная не слагается без известных элементов, и прежде всего без единства, без солидарности стремлений. А раскол в чем солидарен: в ненависти к духовенству господствующей церкви и в неуважении к чиновникам, теснившим и угнетавшим раскол. Ну, а дайте этому расколу такое же право гражданственности, какое имеет в России лютеранин, евангелист и католик, и тогда в чем же будет выражаться его ненависть? В чем сопелковский вечный бегун будет солидарен с оседлым домовитым поморцем, духовный христианин, отвергающий все таинства и чтущий выше всего общечеловеческие достоинства, с филипповцем, обтирающим и окуривающим ручку двери, к которой прикасался еретик? Какая тут солидарность? Какая здесь возможность согласия? Они и теперь друг другу на

след не наступают и козлы дерут. А теперь им запрещен гласный спор или печатная полемика; теперь они, составляя секретные соборы, не боясь огласки, чуть не до выволочки доходят (без чего даже не обошелся и последний московский собор против Павла, так называемый морозовский), ну а как они повели бы себя на свободе? Что ж это за сила, неспособная соединиться? «Общее вече» часто помещает известия о соединении некоторых разнокалиберных раскольничьих обществ, но, к сожалению, эти соединения происходят только в вече, а на земле русской мы их не видим. В земле русской соединения эти представляются, как вода во облацех небесных.

Было такое дело (пример будет весьма не частный): писал я для одного лица записку по вопросу о раскольничьем образовании. При этом случае мне во многом помогали некоторые из моих приятелей древлей веры. Помогая мне в этом деле, они сами незаметно в него втянулись и очень им заинтересовались.

— Что если б вы к нам на вечерок-ба, да своих-ба, кого-нибудь, а мы-ба своих, да посоветываться, как в самом деле нам робят-то

учить?

Я не пошел, а пригласил к себе. Собралось: поморцев трое (один богач и два начетчика), федосеевца два (один богач и один начетчик), павловца два (оба начетчики), рижской федосеевской поморщины или, лучше, римской бестолковщины два (богач и начетчик). Дело происходит на Васильевском острове в 5-й линии, квартира представляет восемь свободных комнат, из которых в одной стол, самовар, свеча, древляя икона с лампадой, несколько толстых и много тонких книг. Начетчики с своими стаканами, богачи миршат. Все это был народ слишком умный для того, чтобы толковать о соединении в каком-нибудь общем смысле, например о соединении федосеевщины, филипповщины и поморства в одну древнюю церковь, без духовенства. Тут просто дело было о том, что вот, если Создатель явит свою милость насчет школ, то как тут быть? Школы всемерно нужны, а дело непривычное: как их наладить? чему в них учить? и чем их наконец содержать там, где община рассыпалась и денежных средств, принадлежащих обществу, нет.

Ну, в том, что школ наладить само древнее благочестие не сумеет, согласились довольно скоро и помирились с необходимостью позволить это дело обдумать министерству народного просвещения. Об учении все опасались новшества.

— Как, помилуйте, скажите, учить теперича грамматике, когда есть правильная, законная грамматика, печатанная при патриархе Иосифе? Там теперь слова писаны по-законному, как должно писать, а в нынешних какое письмо! Как нынче писать, например, «Тебе Господи»?

Беру карандаш и пишу: «тебе Господи».

— Ну вы напишите, — обращается начетчик к моему приятелю, великобританскому подданному, отлично, впрочем, знающему русский язык. — Тот тоже написал: «тебе Господи».

— Вот и есть что не верно!

Раскольник взял карандаш и нарисовал «тэбэ Господи», — вот, говорит, как надо писать.

— Опять же, — начинает другой, священной истории этой вовсе нам не требуется.

Нам требуется псалтырь. Там эти картинки живенькие такие, — ну их!

— Или тоже другие прочие книги, — говорит поморец, — неужто теперь около восемьсот лет христианство на русской земле, и не было настоящих книг? Вздор это, судырь! Книги непременно есть, поискать их нужно. Как теперь, чтоб за благоверного князя Владимира ничего книг не было? Или в Москве опять. Вздор! Есть книги под сокрытием, и если милость власти есть, так пусть с тех книг напечатают и дадут в школы.

Выходит, что учебники надо печатать с книг князя Владимира. Да будет сооружена русская грамматика, арифметика, история и география 988-го года! Ну, помилуй Бог, если бы такие антики существовали, а доказать, что их не существует, было не совсем легко. «Как, говорят, быть не может, чтобы за такие благочестивые времена, да наук высоких не было. Сомневаемся. Ну хоть иосифовскую грамматику».

— Ее, — говорю, — в пять лет ребенок не выучит.

— Пусть, — это ничего, лишь бы верно

знал.

— Да и верно знать не будет.

— Отчего не будет? Вы вон «тебе»-то как написали?

— А так, как вы написали, никто писать не станет, и пойдет, значит, у вас одно письмо, а у нас другое.

Но о том, что говорится насчет сущности учения, я расскажу позже, а теперь о средствах школ.

Нашли, что средств этих негде взять, если, например, здесь, в Петербурге, не соединиться для этого дела всем людям древлего благочестия воедино. Мне удалось доказать, что это удобно, ибо древние книги у всего почти раскола одни и те же, а катехизису можно учить при моленных, стало быть, разномыслить будет не над чем. Согласились, что это так, что разбитым раскольникам одно средство — заводить общую школу, а не дробиться по каждому толку. Началась речь о том, где быть школам? Единогласно выражено желание иметь школы при богадельнях. При какой же богадельне? Спор. «Мы лучше, нет мы лучше, мы правильной!» Поморцы говорят:

«мы за власть Бога молим, и власть нам больше благоволит», а федосевцы отвечают: «и мы власти не сопротивники».

До полночи протолковали и ни на чем не решили. Положили завтра сойтись у О—го, куда будет приглашен и Е—в, глава и командир всех петербургских федосеян. Собрались. Опять толки, споры о превосходстве в глазах правительства и т. п. Наконец дело ступило на свою ногу: заговорили о средствах. Как ни вертели, выходило, что нужно соединиться и заводить общие школы. Но как тут участвовала одна, так сказать, интеллигенция, а решить дела без стариков невозможно, то решили собрать стариков и при них изложить все по порядку.

— Болотные не пойдут, — замечает один из поморцев.

— Не пойдут.

— И наш отец не пойдет, — подсказывает федосеевец.

— Кто же у вас тут отец?

— Старик, простец, хороший человек.

— У них солдат отцом, — иронически замечает поморец.

— Ну так что ж, что солдат! Солдат был, а нынче не солдат.

— Только не перессорьтесь, господа.

— Да, надо держаться честно.

— Мы уступить не можем, — опять говорит поморец. — Они в религиозном (sic) с нами не согласны: они за царя не согласны Бога молить.

— Ну вот, — говорю, — как же вам советаться? Начнете за здравие, а кончите за упокой. Вы уж одного вопроса держитесь.

— Нельзя этого-с. Они за царя Бога не молят.

— Молим, неправда, молим.

— Как вы молитесь? Ну как молитесь?

— Как умеем.

— А! как умеете. У нас молитва законная. У нас теперь 19 кафизма: «Тии спяти быша и падоша, мы же возстахом и исправихомся. Господи, спаси Царя и услышины в онь же день аще призовем тя». А вы кафизму-то эту как читаете?

— Как? — растерянно проговорил федосеевец.

— А! как? Никак вы ее не читаете.

— Полноте, — говорю, — господа, ведь не о том у вас вопрос.

— Нет, уж позвольте. Теперь мы тропарь опять поем как положено: «Спаси, Господи, люди своя и благослови достояние свое, победы Царю нашему на сопротивная даруй и своя сохраняя крестом люди», а у вас что?

— Что? — опять переспрашивает разбитый федосеевец.

— У вас «Спаси, Господи, люди своя и благослови достояние свое, победы дая рабом своим и своя сохраняя крестом люди». А «царя» куда дели? Себе победу-то молитесь, а не царю.

— Мы никакой победы не молим.

— Не молитесь!

— Не молим.

— Полноте, — говорю опять, — полноте, господа, ведь об этом отцы и деды ваши спорили, да ни до чего не доспорились. И разве ловко такой вопрос заводить на сходе, куда еще и меня и моего товарища пригласили. Ведь все же мы люди чужие.

— Истинно? истинно так! — схватился федосеевец. — Вот так-то они и всегда. С ними о

деле, а они все на этот пункт. Известно, нам на этом пункте нельзя с ними спорить. Мы царю не сопротивники и всего ему хорошего от Бога желаем, ну, а спорить о чем? Как наши деды молились, так и мы молимся. Мы помянник читаем и за всех, и за врагов даже, а если там есть слово за всех, так, стало, мы и за царя молимся.

— А слово-то «царю нашему» зачем выбросили?

— Ну, да а вы зачем не поете: «благоверного царя нашего», зачем не поете: «твое сохраняя крестом твоим жительство»?

— Это ничего.

— А, ничего! Как вам, так все ничего.

— Мы все же молим.

— И мы молим.

— Позвольте, господа, — вмешивается павловец, — можно таперича ведь и так молиться; вот, например, наша помянная молитва из следованного псалтыря: «Помилуй, Господи, державнаго царя нашего, и его великую царицу, и благородныя их чада, и все сродство, и весь синклит, и вся князи, и боляры, и всех иже во власти сущих, и все воинство. Огради

миром державу их, и покори под нозе их всякаго врага и супостата, и глаголи мирная и благая в сердцах их о церкви твоей святой и о всех людях твоих, да и мы (с особенною расстановкою произносит павловец) в тишине их тихое и безмолвное житие проживем во всяком благоверии и честности». Вот и богомоление, — какого еще лучше желать надо?

— Какого желать? — вскрикивает поморец.

— Да, что же-с! И за царя, и за князи, и за боляры...

— Да, что же еще нужно? — вопрошает другой павловец.

— Что? А тропарь!

— Что тропарь, что молитва, все равно.

— Равно! нет не равно.

— Все это равно. Вы-то, вы-то давно стали тропарь петь? Страха ради самаринского его запели, а у нас молитва от сердца, без неволи.

— Нет у нас неволи.

— Что врать!

— Не вру, не вру. Мы на тропаре повиснем, а не уступим вам, — горячо крикнул поморец.

— Ну и вешайтесь.

— И повесимся.

— И вешайтесь.

— И повесимся.

— И вешайтесь.

— Тьфу!..

— Тьфу!..

Оба расплевались. Вот и разговор.

— А вы на крылус женатых зачем пуцаете? — среда паузы спрашивает поморца рижанин, Абрам Нефедьев.

— Ну так что ж!

— Вы и уставщика женатого примете.

— Не все равно разве, — и очень примем.

Сделай милость.

— Фу ты мерзость! — восклицает рижанин.

— Отчего так мерзость?

— Мерзость!

— Да отчего мерзость? Вы доведите это мне по писанию.

— Мерзость! Лучше пусть Бог знает что. — Рижский раскольник поднялся, выпрямился во весь свой рост, закрыл рукою глаза и, подумав секунду, произнес торжественным тоном: — Лучше не хочу видеть своей моленной, лучше хочу век ее не видать и пропадать

как собака, но пусть она не сквернится молитвой женатых. Променял Бога на жену, так не молись с рабом, блюдущим веру. Благодарю Бога, что еще видеть молящихся удостоен.

— А за углом хоть пять имей?

— Хоть десять. На то есть покаяние.

Е—в, самый рьяный из здешних федосеевцев, не пришел в это собрание. Он собирался ехать в Вильно заявить свое сочувствие нынешнему генерал-губернатору литовских губерний и сделать пожертвование в пользу войск, а потому, говорят, был очень занят.

— Эх, жаль, — говорит мне на ухо федосеевец, — жаль, Е—ва-то нет.

— Да, очень жаль, — говорю.

— Он это против тропаря-то отлично знает.

— А дело так и ушло.

— Как же будет со школами-то?

— А Бог с ними со всем, — нам что же школы? Не хотят в одно, под один уровень подойти, ну и пусть. Им правительство не даст ничего. Ничего им правительство не даст.

— Это вам еще неизвестно, — замечает федосеевец.

— Не даст, не даст, — вопит поморец.

— А у вас школ не будет.

— И пуцдай не будет. Нам позволят молену на Охте, обнесем оградку, поместим старух, да и станем молиться, — вот и все. Что школы, — и без школы можно молиться.

Однако кое-как решились еще попробовать сойтись и поговорить о школах, не касаясь «религиозности», — не вытерпят, опять сцепятся.

А Павел-то хорошо, во сто раз лучше всех нас знает эти нравы. Ему не раз приходилось прать против рожна, и, разумеется, он теперь старается обходить рожны-то эти, а не лезть на них прямо глазами. Отсюда и его лавировка, и его подходы осторожные. Тяжела дорога его между федосеевским изуверством и поморскою слепотою, и он непременно должен ввести новый раскол по учению об антихристе и по отношению к букве писаний, ибо ему нет другого средства идти к весьма очевидной цели: к умягчению нравов, к доставлению большего господства евангельскому учению и наконец к возможному соединению двух главных беспоповщинских толков: федо-

сеевщины и поморства.

А о браке «неразрешимом» он рассуждает как простой человек, всегда склонный противодействовать крайнему мнению крайним, и даже он в своих соображениях очень хорошо поступает, ибо темные люди, каков по преимуществу весь раскол, всегда всего способнее увлекаться крайностями и в минуты борьбы не умеют удержаться на самом удобном пункте. Таков закон истории всех веков и народов, и его бы надо хорошо помнить тем, кто рекомендует обществу ту или ту силу.

Лучше ли павловский неразрешимый брак федосеевского безбрачия? В теории это как кому нравится. По-моему, безбрачная связь с грубым, только чувственным человеком, каких всегда много в неразвитом народе, не обещает никакого счастья ни женщине, ни ее детям. Здесь так же, как и везде: *quod licet Jovi, non licet bovi*. [24] Могут сказать: «А как же было в древности? Брак, хоть и не венчаный, все-таки обязательство — а в естественной жизни нет обязательств такого рода». — Совершенно справедливо, но ведь мы не говорили с женщинами, жившими в этой есте-

ственной-то жизни, а знаем, что они в ней не благоденствовали и всегда были рабами, как, например, было на Кавказе до последнего шамилевского закона. Довольно было мужу с пьяных глаз сказать жене: «Ступай вон, я тебя отлучаю», и ступай искать ветра в поле. Быть в положении Агари с Измаилом вовсе не значит быть счастливой.

Да и наконец, что об этом толковать! Всякому то хорошо, что ему нравится. В тесных сапогах ногу жмет, а в очень просторных подчас совсем идти нельзя. Павел — раскольник, и все, до чего он додумался, вышло у него не из каких-либо западных, да даже и не из византийских теорий, а прямо из самой жизни, из самой раскольничьей среды, о которой он «изжалелся сердцем», и слово его находит отклик, учение его встречает сочувствие, хотя, разумеется, встречает с другой стороны и оппозицию. Что же это значит? Значит, что известная и весьма немалочисленная часть безбрачного раскола тяготится своими отношениями и советы Павла ей по сердцу. Павел только посмелее, может быть поумнее, а еще может быть и почестнее или посамолюбивее

этих людей, и он выплыл наружу с своим учением, за которое уже и до него брались многие, но по недостатку ловкости и терпимости не имели такого успеха. А в существе Павел только поплавок, привязанный к кулю, который под водою катит по дну поток времени. Он не мог бы тащить подводного груза, если бы груз этот не катился под воду, и всегда Павел остановится над грузом, положение которого он показывает и с которым он крепко связан.

Для старого федосеевца не годился бы Роберт Оуэн, прямо вводивший свою честную теорию, не подманивая никакими недостойными приманками, а им был впору Илья Алексеевич Ковылин, который так же походит на Оуэна, как колесо на уксус. А нынешнему федосеевцу, желающему жить <с> своими детьми и их матерью, не понятны Монж, Камюсс и Кондорсе, а впору им Павел. Мужчины хотят жениться павловским браком, а женщины спят и видят заручиться прочным сожителем, успокоиваясь этим и за себя и за детей. Ну и что ж: верно, им так лучше.

А почему им не впору Монж, Камюсс и

Кондорсе? Ну да потому, что им был впору Ковылин, и потому, что они простые, необразованные люди, способные из одной крайности непременно лезть в другую. Потому, что они русские раскольники, правнуки допетровских россиан, запиравших жен на вышки, и дети эпохи, в которую наставники их старались только сплотить общину, облегчая «вхождение женам на ложе мужское», нима-ло не заботясь о ширине взгляда и нравственной чистоте устанавливаемых свободных отношений. Может быть, они со временем станут тяготиться семьей павловской конституции и станут думать, как думали Монж, Камюсс и Кондорсе? Очень может быть. Но тогда они перестанут быть раскольниками. Может быть, им тогда даже не только понравятся Монж и Кондорсе, но и Фурье и Роберт Оуэн. Но пока они раскольники и пока степень их развития такова, какова она теперь, мы не вправе ожидать от них сочувствия тем теориям, которые нравятся некоторым из нас. Нет никакого основания ждать от раскольников *salto mortale*, [25] на которые плохо поднимаются ноги, давно порывающиеся к разным

рас de deux,[26] и неразумно видеть в кажущемся сходстве раскольничьих обычаев с фурьеризмом и фаланстерною жизнью способность перейти именно к такой жизни. Так и до всего. Незачем лгать себе и обманывать ближних, особенно когда эти невинные шутки не совсем безопасны по своим тяжелым последствиям. Надо говорить правду, чтобы люди знали, чем располагает страна в данную минуту, и не подавали своим детям змеи, когда те попросят рыбы.

Павел в своем учении несравненно последовательнее федосеевщины и раскольничьих либералов. Он знает, с кем имеет дело, и выше лба ушей не поднимает; и никого не обманывает; «и сжалехся сердцем», и старается помочь страданию, как умеет, никого не вводя в заблуждение насчет мнимого величия своих тенденций. Это сто раз честнее, чем говорить: «мы, да мы». А мы? — мы просто мочалой шиты и лыком нас погонять. Робкий, двуличный человек, выгораживающий прежде всего себе выгодное положение, так не поступает. Такой образ действий слишком рискован и смел для себялюбца, и лучшим доказательством этого

служит, что люди нередко не позволяют себе не только сказать своего мнения, если оно не согласно с мнениями большинства или сильного авторитета, но даже не бывают искренними, статистируя простые факты, в существовании которых нимало не причинен исследователь. Есть же у нас в некоторых кружках сильные толки о том: «настало ли время говорить о расколе правду?» Стало быть, чувствуется и сознается вся неправда, насканная о нем в нашей прежней, весьма бесцеремонной по отношению к расколу литературе и в новейшей *literature d'allusions*, [27] а все еще вопрос о позволительности правды в этом деле не решен. Пользы, что ли, ждут от этой тайны? Но разве это сообразно с направлением людей, убеждающих общество в необходимости самой широкой гласности и знающих весь вред тайны и заблуждений, когда дело идет о знакомстве с средствами страны? Все эти толки есть не что иное, как остаток чиновничества, заматерелого в наших натурах и поддерживающего в нас против нашей воли старческую любовь к канцелярской тайне, необходимой в каких-то особенных соображе-

ниях. Потом это — неискренность, самолюбие и ложная гордость, не позволяющие сознаться в весьма естественном и, следовательно, в весьма простительном увлечении. И наконец, это уж истинно непростительно, опасение повредить чему-нибудь хорошему, сказав открыто людям заблуждающимся насчет пригодности раскола для успеха прогресса. «Милостивые государи! Мы убедились, что хотя в расколе есть и безбрачие, и по местам некоторый вид общины и некоторая нелюбовь к тому, что вам нелюбо, но *à la fin des fins*, [28] — справедливость требует доложить нам, что симпатии раскола вовсе не солидарны с вашими симпатиями и сочувствия к вашему прогрессу он не питает и питать не может, ибо хочет совсем не того, чего хотите вы. А потому знайте это и поступайте по нашему усмотрению».

Лучше же это сказать, чем из ложного стыда дожидаться, пока это само скажется. Ведь раскольники с упоением читали резкие выходы против воронежского Митрофана и задонского Тихона, а как добрались, что и Иона, и Алексей, и Филипп, и Кукша также пользу-

ются не большим почетом, так что сделали? Сейчас же автора разжаловали из страсто-терпцев в антихристы и полезли по своему норову из одной крайности в другую чрезвычайность. Этим опытом пренебрегать нельзя, ибо если Ивашке досталось по рубашке, то уж Никишкам будет по ладышкам. А правда, как она ни скромна, как ни безэффектна, все правда, и все полезней всякой лжи, и всегда умным людям покажет, что должно делать, и верней на настоящий путь выведет.

Вы не виноваты, что одни столбы приняли за другие, но, убедившись, что они стоят на вашей дороге, идите же лучше других путей искать, не дожидаясь, пока ноги отобьете. Раскол недоволен, но он легко может быть совершенно удовлетворен и умиротворен реформами, которые нимало не подвинут дела вашего прогресса, и хорошо еще, если раскол тогда только преспокойно оставит вас играть довольно жалкую роль. Но вместе с вами он прогрессировать нимало не способен и не намерен. Вы еретики и антихристовы дети, а он древнее благочестие; вы читаете Фурье, Бюхнера и Молешотта, а он «Кормчую»; вам хо-

чается торжества естественных наук и еще многого другого, а ему торжества древнего благочестия, которого не вынести человеку современного развития, и ничего больше, разве кроме права торжественно проклясть в Москве Никона и еретиков, утверждающих, например, что не солнце ходит около стоящей неподвижно земли, а земля вертится около солнца. А ведь вы непременно проговоритесь, что земля около солнца ходит и что давать по грошу на постель в больнице, да по полтине на певчих не значит отвечать вашим стремлениям к общинности.

Нечего сказать, тоже солидарность стремлений называется!

«Ей, оглянитесь, господа Фонведы?»

РУКОПИСНЫЕ СОЧИНЕНИЯ ПОСЛЕДНЕГО ВРЕМЕНИ В ПСКОВЕ И ПЕТЕРБУРГЕ

Из рукописей недавнего сочинения наиболее достопримечательны: 1) «Голос старообрядца поморского согласия», 2) «Проект старообрядцев беспоповщинского согласия», 3) «Мнение».

Из них наиболее распространен «Голос старообрядца поморского согласия».

— Прочти-ка, — сказал мне с сияющим лицом раскольник, подавая листочек, исписанный полууставом, — и у нас есть ученые люди.

Вот этот голос:

ГОЛОС СТАРООБРЯТЦА ПОМОР- СКАГО СОГЛАСИЯ[29]

«Христианство Содержу Постаропечатным Книгам Согласно 7. вселенских Соборов и учителей церковных, бывших долет Никона Патриарха; завласть богомолю, браки Приемлю, Священной Сан и причастие признаю нужным, жалею и плачу о сем, да неимею, потому

Лишен Сего властью; в лета Никоновы, а уповаю На бога Надеждою Священнаго Писания, речено Есть без Крещения и покаяния Нельзя Спасти душу, а продчия Тайны Чрез высокое житие в добродетелях Повере, Имущему Дается; ановов водных Никоновых Предании Неприемлю, и С Принимающими Новое Несоглашаюсь; и Судить их Неберусь, а судит им Сам Господь в последний день, а Теперь Судья Им Меч духовный Глагол божий, Священное Писания, обличает Их, кто Его читает Тот и понимает все Настоящаго времени.

О церкви Западной доказывается Книгам. Св. Кирила Иеросалимскаго и Оправой вере Старопечатными; как рим Отпал, как вселенския учителя Признали Папу в отступлении Совсем западом; Етого Папскова духу Никон заправил и Намоскву, от лет Никона в духе вселенских учителей верные Написали Поморския ответы, в которых Лице Церкви Никоноваго Направление Спрашивает в 106 вопросах[30] обовсех религиозных церковных догматах; а Лице церкви в духе вселенских учителей Православнаго Христианства отвечают в 106. Ответах[31] Тут Явствуует 2 лица,

две Церкви восточная и западная;

Апостол Хошу убо дамоливтву творят мужие Навсяком месте, воздеюще преподобныя руки безгнева и размышления: (златау) Спас Господь Наш Глаголет: Егда молитесь, Небудите якоже Лицемеры, Любят в Сонмищах и Настогнах улиц молитися, да видени будут отчеловек, Аминь Глаголю вам, Преемлют мзду свою, ты же Егда молишися вниди в клеть свою изтвори двери твоя, и помолися отцу твоему в тайне, и он тебе воздает Яве, Что убо Павел хоцет Еже повелевает творити молитвы Навсяком месте, Едали противу господу своему завещаваает, данебудет, и Христос убо небраняше молитися На всяком месте, Но отемлет даненапоказание молимся, инетщеславия ради, отсего бо востягая рече, доневесть шуица твоя, Еже творит десница твоя, Неимать до места различия, Но токмо ненаявление творим, Еще же Сим являет апостол, Не яко Июдеом недостойт Кроме церковь. тако инам молитися. Намже вещь всяко место лепо токмо аще преподобные руки воздеем».

О двух других документах теперь говорить я нахожу по многим соображениям несвое-

временным.

ПЕСНИ

Молодые раскольники под веселую руку поют здесь самые обыкновенные песни русского народа и даже испорченные романсы, но вообще пение светских песен в здешнем расколе не в ходу. Оно хотя и не возбраняется прямо, но косвенно преследуется, как занятие некоторым образом богомерзкое, как утеха дьявольская. Из духовных же песен я записал только следующую.

*«Как шел старец по дорожке,
Черноризец по широкой;
Идучи он слезно плачет,
Во слезах пути не видит,
В рыданьях слово не молвит.
Как навстречу ему идет
Сам Христос, царь небесный.
Как возговорит Христос старцу,
Сам Господь Бог, царь Небесный:
„Ох ты гой еси, етарец черноризец,
Ты о чем, старец, слезно плачешь,
Ты о чем, черноризец, возрыдаешь?“
Отвечал Господу старец,*

Отвечал царю небесному черноризец:

„Ох ты гой еси Христос, царь небесный

Как мне, Господь, не плакать,
Как, Владыко, не рыдати,
Потерял я злату книгу,
Потопил ключ церковный в море“.

Отвечает Христос старцу,
Царь небесный, черноризцу:

„Не плачь, старец, не плачь, черноризец!

Я сыщу тебе злату книгу,
Ключ церковный из моря выну.
Ты поди, старец, в пустыню,
Ты спасай там свою душу“.
Как возговорит ему старец со слезами:

„Ох ты гой еси, батюшка Христос, царь небесный:

Ты поставь-ка мне <в> пустыне келью,

Где бы люди не ходили,
Одне бы пташки пролетали,
Меня бы старца потешали,
Ото сна бы пробуждали;
Ото сна бы я пробудился,
На правило становился“.

Как возговорит Христос, царь
небесный:

„О вы люди, рабы мои Христовы,
Православные христиане,
Не забыв Бога, живите,
Не буянно поступайте,
Не речисто говорите.
Народился дух нечистый,
Дух нечистый, злой антихрист,
И пустил он свою прелесть
По городам и по селам
Моих людей изгоняет,
В свою веру принуждает,
В свою церковь ходить заставля-
ет,
Своих попов поставляет,
Своих судей посылает,
Свои письма рассылает
По селам и по деревням,
По прекрасным по пустыням.
Не сдавайтесь вы, мои светы,
Тому змию седмиглаву,
Вы бегите в горы, вертепы,
Вы поставьте там костры боль-
шие.
Положите в них серы горючей.
Свои тела вы сожгите.
Пострадайте за меня, мои светы,

*За мою веру Христову:
Я за то вам, мои светы,
Отворю райския светлицы,
И поведу по царство небесно,
И сам буду с вами жить вековеч-
но“».*

Не знаю, в большом ли ходу здесь эта песня или стих, и не знаю, как она могла зайти и держаться в здешнем расколе. Обыкновенно этот стих называют «песнью нетовщины», хотя в других местах его считают песнью сумасшедших самосожигателей.

С следующего письма начнем заниматься Ригою.

Примечания

Выписки из львовской книги я помещаю в том порядке, в котором они следуют в тексте «страстей», указывая при том листы и главы оригинала. В объяснении же содержания мест, находящихся между этими выписками, никакой нужды не вижу, ибо повествование о страдании Христа известно каждому и в настоящем случае весь интерес заключается только в уснащениях этой повести поэтическими представлениями и вымыслами автора львовской книги (которые здесь и предлагаются). В этих выписках я также удерживаю орфографию подлинника, с которого писал их.

[^^^]

2

Это сказание встречается в Четьих-Минях, употребляемых в православной церкви.

[^^^]

3

В книге страстей об аде постоянно говорится, как об индивидууме. Он беседует и с дьяволом, и с содержащимися в нем людьми.

[^^^]

4

Это самое любимое место всех раскольничьих женщин. Его многие из них знают наизусть и обыкновенно повторяют с горькими слезами сочувствия скорбям девы Марии.

[^^^]

5

Между людьми древнего благочестия на этом основании распространено убеждение в первенстве, старейшинстве Иуды между всеми апостолами.

[^^^]

6

Евангел. от Марка, заг. 19.

[^^^]

Никодиму здесь очевидно приписываются слова, сказанные сонмищу еврейскому Гама-леилом.

[^^^]

Несмотря на это сказание, в древнем благочестии, так же как и в среде православного народа, верят, что Иуда повесился на осиновом дереве, отчего и до сих пор осиновые листья постоянно трепещут.

[^^^]

Предание это известно и в православной церкви, заимствовавшей его у церкви грузинской.

[^^^]

10

Очевидная опечатка. Вероятно, тамо, а не та-
ко.

[^^^]

Староверческие начетчики — или, как об них относятся, «малограмотные, глубоко знающие слово Божие», — опровергают сказанное здесь, что сатану связал сам Христос, и еще связал «до последняго дне». Они говорят, что составитель страстей ошибся, потому что Иоанн Богословец во апокалипсисе во главе двадесятой ясне пишет, яко не сам Господь вязал сатану, но ангел, имевший ключ бездны, и уже (т. е. узы, вязало) велико в руке своей. И ят змия (sic) древняго, иже есть диавол и сатана, и связа ѓ на тысящу лет, и в бездну затвори его, и заключи его, и запечатле над ним да непрельстит к тому языки, дондеже скончается тысяща лет, и по сих подобает ему отрешену быти на мало время (Ап<ока-липсис>, г<лава> XX, 1–4).

Поэтому раскол и допускает ныне царствование и владычество змия, дьявола, антихриста, излетевшего из бездны по окончании своего тысячелетнего заключения.

Здесь слово ад напечатано с прописной буквы

[^^^]

Интересно сопоставить с этим сказание Иосифа Флавия, который повествует так: «В сие же время был и Иисус, муж мудрый, если только не мало будет назвать Его мужем. Ибо творил он удивительные дела: был учитель тех, кои со услаждением приемлют истину, и привлек к себе многих последователей как из Иудеев, так и язычников. Сей был Христос, которого, хотя Пилат по доносу знатнейших из народа нашего осудил на крестную смерть, однако любившие его прежде не престаи и тогда любить его. Поелику он в третий день после своей смерти явился им паки жив, по предсказанию пророков, которые как сие, так и другое многое, достойное удивления, предрекли о нем. По имени его названное племя Христиан пребывает и доныне» (Иосиф Флавий. «Древности Иудейские», кн. XVIII, т. III, ст. 200)

[^^^]

У староверов есть сказание, что желчь, которую предлагали жаждущему Христу, была желчь свиная.

[^^^]

Буква б в слове Бог здесь употреблена прописная

[^^^]

Здесь опять интересно привести одно место из летописи Флавия, в которой о поездке Пилата к Тиверию после Христова распятия сказано так: «Тогда Вотелий (по доносу иудеев на жестокости Пилата), отправив Маркелла, друга своего, для чинения в Иудее суда и расправы, повелел Пилату ехать в Рим и оправдаться перед самым кесарем в приносимых на него от иудеев жалобах. Таким образом Пилат, препроводив десять лет в правлении Иудеи, отправился с поспешностью в Рим по повелению Вотелия, которому нисколько не смел он противоречить. Но прежде его в Рим прибытия скончался Тиверий» (Иосифа Флавия «Древности Иудейские», ч. III, гл. IV, стр.204)

[^^^]

Снова б прописное

[^^^]

Иудеям действительно уж как-то особенно не везло в это время, беспрестанно они чем-нибудь да проштрафливались против Рима. То не могли стерпеть в Иерусалиме знамен с кесаревым изображением, то два раза поднимали возмущение; словом, налили Тиверия до того, что он сам выгнал их из Рима по весьма оригинальному случаю, о котором Флавий так повествует: «Некоторый весьма развращенных нравов Иудеянин, бежавший из своего отечества от страха заслуженной им по законам казни, обитая тогда в Риме, представлял себя толкователем Моисеева закона; и приобщив к себе еще троих во всем подобных себе товарищей, преклонил одну знатную римскую жену, по имени Фулвию, принявшую по их наставлению закон Моисеев, чтоб она послала от себя в дар во храм Иерусалимский злато и порфиру. Но когда обманщик сии дары получил от нее в свои руки, то и истощил оные с товарищами своими на собственные беспутства, на который конец и старался он выманить их от Фулвии. Чего ради,

уведав о сем плутовстве Тиверий от приятеля своего Сатурнина, мужа Фулвина, который по прошению жены своея донес ему о причиненной им обиде, повелел всех Иудеев выгнать вон из Рима. По силе сего кесарева указа выбраны были из них от Консулов четыре тысячи человек в военную службу и отосланы в остров Сардинию; которые же из почтения к уставам своего отечества поупрямилися пойти в оную, те все жестоко были наказаны. Таким образом за плутовство четырех человек все Иудеи из города были выгнаны» (Иос<иф> Флав<ий>. «Др<евности> Иуд<ейские>», кн. XVIII, 3, 5)

[^^^]

Первое письмо г. Стебницкого «С людьми древнего благочестия» напечатано в «Библиотеке для чтения» за ноябрь 1863 г.

[^^^]

Я имел случай познакомиться с иноком Прокофием из павловского скита, и он в числе многих рассказов о житье-бытье наших староверных отшельников из Пруссии рассказывал, что живут они с Павлом в большой нужде, одним вспомоществованием из России, и из того Павел большую часть расходует на свои издания. Хозяйство же их еще очень молодо и мало их поддерживает.

[^^^]

Изгнанник (Франц.)

[^^^]

О вкусах не спорят (Лат.)

[^^^]

На деле (Лат.)

[^^^]

Что прилично Юпитеру, то не прилично быку; латинская пословица.

[^^^]

25

Прыжок с переворотом через голову, букв.:
смертельный прыжок (Итал.)

[^^^]

Па-де-де — хореографический термин, букв.: танец вдвоем (Франц.)

[^^^]

Литература намеков (Франц.)

[^^^]

В конце концов (Франц.)

[^^^]

Орфография подлинника везде удерживается

[^^^]

В настоящее время при Лице церкви ответственной в 106 ответах Имеется христианский закон весь Священнаго Писания утвержден 7. стенами вселенскими Соборами, а видимых каменных Стен Священных Санов и риз неимеют, а руководствуются Христианскими постановлениями и уставами как Повере жить.

[^^^]

А прилице церкви вопрошающей в 106 вопро-
сах Находятся власть. Церковны стены руко-
дельны каменные Саны Иерейския и ризы, а
закон Христианства Оставлен, Никоново Его
руководство непринято Теперь, а принято
точно по Его Папскому духу устроено и вовла-
сти владыцествует и каждому вменя в обя-
занность повелительно вовласти Следовать
ему. — Примеч. подлин.

[^^^]